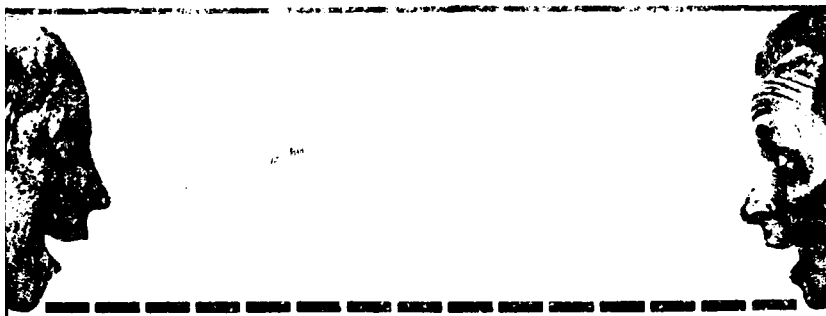

ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

ГЛАСНОСТЬ
ИВАНОВНА

Одиннадцать лет отделяют первую газетную публикацию автора от первой самостоятельной книги. Не знаю, как для автора, но для книги такой срок пошел на пользу.

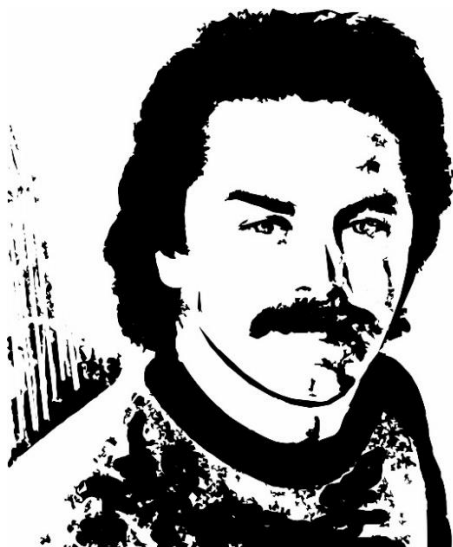
Что заставило выпускника Рижского авиационного института взяться за перо? Веселый характер. Ни дня без шулки.

После первой публикации пошли вторые и третьи: в «Литературной газете» (на 16-й полосе), в «Московском комсомольце», областной периодике, в коллективных сборниках издательств «Советская Россия», «Молодая гвардия», Средне-Уральском книжном издательстве.

Без отрыва от письменного стола В. Холобок заканчивает Высшие театральные курсы при ГИТИСе им. Луначарского в Москве. Как драматург, много работает для эстрады. Его монологи читают артисты Москонцерта, Росконцерта, в Свердловской, Иркутской, Якутской филармониях. Неожиданно для самого автора его рассказы звучат то по радио, то по телевидению. Нередко их исполняет и сам автор.

Последние два года В. Холобок работает в молодежной газете «На смену!» зав. отделом сатиры и юмора.

Е. ГОНЧАРОВА

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АВТОРА

ББК Ш 6 (2=р) 7-334 X 73

Издание подготовлено рекламным областным молодежным агенством при Свердловском ОК ВЛКСМ РОМА.

Холобок В. И.

X 73 Гласность Ивановна; Сборник/Рис. А. В. Пяткова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.88 с.: Ил ISBN 5-7525-0154-7.

1 р. 50 к. 100 000 экз.

Сборник юмористических рассказов — первая книга автора. Эти рассказы ранее публиковались на страницах областных и центральных газет, звучали с эстрады, но впервые собранные под одной обложкой, они отчетливо проявили позицию автора, его собственный взгляд на происходящее.

Книга адресована широкому кругу читателей.

X __4700000000 000 заказное ББК Ш 6 (2 = р) 7-334

182 (02)/89

ISBN-5-7525-0154-7 (с) Издательство Уральского университета, 1989.

ВЕДЬ ЭТО НАШИ РОДНЫЕ НЕДОСТАТКИ

■ ЗДРАВСТВУЙ, СВЕРДЛОВСК!

Когда я утром выхожу из дома на улицу, я мысленно говорю: «Здравствуй, Свердловск!»

Мне нравится Ленинград, иногда я завидую москвичам, но Свердловск я люблю. Я люблю его жителей. Они добрые, как ленинградцы, если не стоят в очереди. И остроумные, как москвичи, если стоят в ней.

Мне нравится наша погода. На всей планете в году бывает четыре времени года. А у нас они могут пройти за один день. Но недавно выяснилось, что на Урале в летние месяцы может иметь место лето.

В июне мой знакомый поехал в Ялту.

— Отдохни там и за меня, — сказал я ему с завистью.

И он целый месяц ходил там за меня под дождем за большие деньги. А я здесь за него бесплатно загорал на Балтыме. Когда я, загоревший, встретил его на вокзале, сразу дал ему кличку «Лунный Вася». Он был такой белый и такой жидкий, как сметана в баночках.

И зачем я туда ездил?! — сказал он.

Действительно, на нашем вокзале народу столько же, сколько в Ялте на пляже. Ложись на четвертую платформу и загорай.

Поезда приходят и уходят, а люди остаются. И тогда они едут в аэропорт. Там самолеты улетают и прилетают. А люди остаются. Вот поэтому нас уже миллион четыреста тысяч.

Город Свердловск омывается двумя океанами. Магазином «Океан» и рестораном «Океан». Если у вас в кармане пять рублей, смело пускайтесь в круиз по первому океану-магазину. И вы вернетесь с той же пятеркой. Но если вы хотите проплыть по второму океану-ресторану, то с пятеркой вы даже не отчалите от берега.

А вот наше любимое здание цирка. Разве мог быть у нас такой цирк до революции? Такой он мог быть только в Рио-де-Жанейро. А теперь он есть и у нас. Это цирк с двойным куполом.

И если зазевавшийся воздушный гимнаст пролетает первый купол, он может еще немного полетать под вторым.

Рядом с цирком стоит СИНХ. Институт народного хозяйства! Студенты с

радостными глазами сидят за партами. Они знают и умеют даже больше, чем преподаватели. Потому что практику проходят на Шувакише.

Цирк, СИНХ, народное хозяйство. Фокусы, иллюзии, аттракционы. Но не все фокусы проходят. И для этого у нас имеется юридический институт.

— Вста-а-ать! Суд идет.

И тогда по-настоящему понимаешь, до чего красив наш город. И хочется жить, дышать, бродить по улицам. Тем более, что на улицах появляется все больше трезвых людей. Теснятся, отступают недостатки, и хочется еще успеть сказать о них. Ведь это наши родные недостатки. Они уходят, покидают нас навсегда.

— Прощайте! Здравствуй, наш вечно молодой и цветущий город Свердловск! Всегда живи и здравствуй!

■ МОЛЧАТ И СТРОЯТ

Радость охватывает за то, что 72-й год революции у нас идет и четвертый год перестройки. Конечно, за 70 лет много чего понастроили. Поэтому перестраивать сейчас трудновато. Но трудностей мы не боимся.

Я это сразу понял, когда через улицу от моего дома строительство развернулось. Одновременно два больничных здания начали возводить. За глазной корпус наши друзья из Финляндии принялись. А за хирургический — наши друзья-строители из нашего города.

Вот думаю, мы этим финнам и покажем, как надо строить, а если повезет, то и перестраивать.

Обе бригады сначала забором свои площадки огородили. В нашем заборе строители сразу дырки предусмотрели. Одну — к автобусной остановке, одну — к столовой, одну — к магазину. А остальные — так, на всякий случай, чтоб рабочее время экономить.

А эти финны все щитами огородили, причем без дырок. Прямо непонятно, как они собираются за экономию бороться. Дальше наши на своем заборе плакаты и транспаранты повесили: «Строительство ведет СУ-9. Прораб Никифоров», «Горожанин! Работай так, чтобы тебе никто не завидовал». Ну, и несколько лозунгов и призывов к 1-му Мая. Получилось красиво, наглядно и удобно.

Допустим, ты забыл тост — смотри на забор, там подсказка: «Да здравствуют советские женщины!»

А эти финны ничего на заборе не написали. Такие скрытные, непонятно, за что они борются. Наши пацаны попытались им помочь идеологически, нацарапали кое-что на заборе. Но финны стерли. Молчат и строят. Котлован вырыли, коммуникации к нему подвели и вдруг неожиданно площадку вокруг котлована заасфальтировали сдуру.

А нам с площадкой не повезло — асфальтовая попалась. Ну, известно, у строителей всегда руки на асфальт чешутся и глаза горят. И начали они асфальт с лица земли сдирать. Чтобы до грязи дойти. Как только до грязи дошли, отметили первую трудовую победу. Два дня после этого не работали. Да и как не отметить! Все условия себе для подвига создали.

И началась битва за будущий план. Машины буксуют, строители толкают, крановщик орет, и все друг друга кроют. Сердце радуется — кипит работа. Все задорные, веселые и самое главное — по уши в грязи. Ну, никак не скажешь, что не работают.

А финны начали вяло. Прямо тоска на них смотреть. Машины без рева заезжают, материалы без воплей разгружают. А прораб вообще молчит. Скажет по-фински «лайна-майна» и опять молчит. Вот так и молчат, и строят в своих финских костюмчиках.

Но вот парадокс. Без шума, без грязи у них вдруг первый этаж из-под земли вырос. А у наших что ни день, то новые трудности. То кран, как осинку, ветром согнет. То прораб в котлован свалится. И целую смену его оттуда вытаскивают. Не везет. А тут еще магазин рядом. И как только время к двум часам, наши нервничать начинают. То на часы смотрят, то друг на друга. То — на часы, то — друг на друга. А ровно в два они цепенеют, инструмент у них из рук вываливается, и все исчезают в дырку в заборе.

Через несколько дней у финнов уже второй этаж на место встал, а наши все в котловане возятся. Я думаю, так и проиг-

рать можно. И решил я проверить, чем это финны берут. Ну что они, умней нас, что ли? Они что, мозговые извилины на бигуди завивают? Нет. Тогда — что? Может, питаются лучше? Я проследил. Берут в нашем же универсаме наши же продукты. И с кассиршами из-за талонов ну прямо, как наши, ругаются, видимо, решили, что у нас так принято. Прежде чем взять, надо поторговаться. И они прямо кричат, чуть не дерутся.

И я подумал, тут мы переборщили. Все-таки нашими продуктами финнов кормить — это уж чересчур. Жалко финнов.

Потом я подумал, может, бытовые условия у них лучше. Зашел к ним в бытовку и понял, да, лучше, чем у нас в квартирах. Но не на столько же, чтобы нам от них в работе отставать.

Думаю, может у них инструмент лучше. Проверил — нет. Наш у них инструмент. А свой, финский, у них в первый же день сперли. Они не знали, что инструмент нужно хранить в ящике, ящик — на поддоне, а поддон — в воздухе на кране. Потому что у нас люди не летают, а птицы — не воруют.

Расстроился я, когда финны все пять этажей под ключ сделали и стали ждать приемную комиссию. Завтра — комиссия, а у нас в хирургическом корпусе двух этажей не хватает.

Уснул я с горя вечером, а утром проснулся — мать честная! Стоит наш хирургический корпус. Красавец! За ночь сделали. Не знаю, хорошо ли, плохо ли, но сделали. А вместо пяти этажей даже шесть. Видать, в темноте просчитались.

И вот теперь, когда иной раз меня начинает одолевать наша любимая болезнь ОРЗ, я все думаю: в какой корпус идти лечиться — в глазной или в хирургический?

И принципиально иду в хирургический. Потому что если советское — значит, надежное.

■ ЗАХВАТ ЗЕЛЕНОГО ЗМИЯ

(Отчет руководителя группы захвата Зеленого Змия Председателю городского общества трезвости на совещании)

Уважаемый Председатель городского общества трезвости! Докладываю о ходе выполнения Вашего распоряжения по частичной деморализации Зеленого Змия и по полной ликвидации его в будущем.

По существу дела нами установлено, что Змий Горынович Зеленый родился задолго до нашей эры и продолжает существовать в наши дни. Попытки сфотографировать его, чтобы приобщить к делу фото в фас и профиль, окончились неудачно — пленка засвечивается. Поэтому привожу словесный портрет. Крапив, здоров и обаятелен. Рост — средний. Широкоплеч, волосы — зеленые, глаза — мутные, в глазах: искринка, хитринка, лукавинка — в правом; уверенность, наглость, нахрапистость — в левом. Поет, танцует, говорит на всех языках, особенно красноречив — на русском устном.

Борьбу за деморализацию Змия наша группа начала с ограничения доступа трудящихся к его чарам. Но почему-то желание припасть к этим чарам пропало не у всех. Например, одного трудящегося привела к магазину жестокая нужда за два часа до открытия. Его трясло и колотило, как отбойный молоток. За время ожидания он вошел в землю по шею. Он мог прошить насквозь мантию Земли, если бы не открыли магазин. Два стакана портвейна «Кавказ» приостановили его погружение в наши недра, богатые полезными ископаемыми. Выдергивать товарища пришлось ковшом экскаватора за выступающие над землей части тела.

Правда, ограничение ударило по здоровью официантов в ресторанах. Сейчас за каждой официанткой по залу тянется хвост в 15—20 человек, как за знаменитой певицей. Люди требуют, а иногда и просят не автограф, а — на вынос! Ошалевшие официантки не знают, куда деваться. С одной стороны — толпа с протянутыми руками, с другой — двое в штатском с зоркими глазами. Бедные официантки падают в обмороки от жутких внутренних противоречий.

Очень беспокоит и армия автолюбителей на машинах с багажниками, забитыми водкой. Товарищ Председатель! Спекулянт на машине от продажи

водки за ночь выручает еще на одну машину! Мы его ловим, конфисковываем машину, отправляем ее в комиссионный магазин, а он приходит туда и снова ее покупает. Причем оформляет машину уже не на себя, а на соседа. Мы ловим торговца во второй раз, но конфисковать машину уже не можем. Она — соседа. Идем к соседу и говорим, зачем дал машину спекулянту? А сосед, пряча за спиной самогонный аппарат, отвечает:

— Моя вещь, кому хочу, тому даю.

И вот тогда мы решили применить физическую силу. Зеленый Змий был схвачен на загородной даче во время уик-энда и усыплен уколom в левую ягодицу. Сотрудники НИИ трезвости, резвости и оптимизма (НИИ ТРИО) в другую ягодицу Змия вшили специальную ампулу, исключаящую употребление алкоголя. По расчетам сотрудников НИИ ТРИО химический состав ампулы должен был превратить Зеленого Змия в Крокодила Гену. Для него была специально приготовлена гармошка (ГОСТ 04-24-12), по качеству звучания превышающая мировые стандарты. Когда Змий проснулся и ему вручили гармошку, он действительно запел грустную песню про день рождения и пошел по тротуару. Для сотрудников НИИ ТРИО начали светить три кандидатских и четыре докторских. Но Зеленый Змий в конце квартала не ожидапно выбросил гармошку в газон и убежал в неизвестном направлении. Поэтому одна кандидатская отпала.

Товарищ Председатель! Видя, что наш НИИ ТРИО не может справиться с поставленной задачей, хотя защитились на этом деле 18 человек, я решил следующую операцию разработать сам. Я послал Зеленому Змию повестку и обязал его явиться в группу захвата самому с вещами.

Я решил принять радикальные меры и заспиртовать Змия в стеклянной бочке, чтобы потом выставить его на обозрение в кунсткамере, как самое уродливое явление нашей жизни.

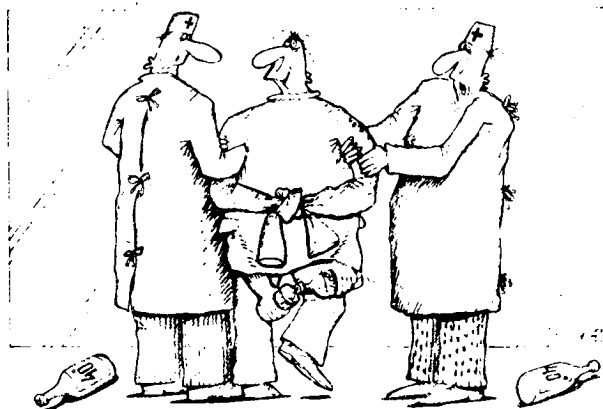
Змий пришел сам, охотно согласился на заспиртование и даже сам прыгнул в бочку со спиртом. Он заспиртовался на наших глазах и скрутился калачиком на дне бочки. Бочку мы подарили безвозмездно в кунсткамеру под расписку директора.

На следующий день группа журналистов зашла в помещение и обнаружила там следы дьявольского разбоя. Бочка со Змием была пуста как от Змия, так и от

спирта. Также был выпит спирт и из емкостей с другими экспонатами. В частности, из банки с двумя младенцами 1705-го года рождения. Младенцы лежали совершенно распиртованные на сухом дне банки. Внезапно они выскочили из банки и стали выражаться нашими словами. Сотрудники кунсткамеры до сих пор не могут уговорить разбушевавшихся младенцев. Эти бестии пожирают личные вещи сотрудников — мозольную жидкость, клей, олифу нефилтрованную. А также вынюхивают бензин из бензобаков автотранспорта кунсткамеры.

Сам Змий ушел в неизвестном направлении. Собака следа не берет. Чихает.

Захват Змия осложняется еще и тем, что Змий не определен четко во времени и в пространстве. Только мы поймаем Змия в одном месте, как нам сообщают, что он орудует в другом. Такое впечатление, что его много.

8

Осложнилась и лично моя личная жизнь. Сейчас, чтобы попить чаю с сахаром, я сначала покупаю брагу у соседки и выпариваю из нее сахар.

Ягоды на зиму приходится не засахаривать, а солить. Лично я засолил три ведра клубники.

И я начинаю опасаться, что в таких условиях скорее я запью, чем народ бросит.

Учитывая вышесказанное, прошу разъяснить нам, с чем бороться сейчас: с Зеленым Змием или с последствиями от борьбы с ним?

ОБЛАВА

У-у, я этих частников всей кожей ненавижу! Машин накупили и ездят перед глазами укором моему пешему путешествию по жизни. Ну, как же я к нему, к

такому автовладельцу относиться должен? Когда я - в автобусе припечатан к стеклу, а он — в машине в белой рубашке? Только с ненавистью.

И я решил: так больше продолжаться не может! Надо хоть одного такого частника стереть с лица земли нашей многострадальной. Выбрал объект, стал изучать. Мужик служит профессором в университете, ездит на «Запорожце». Бросает вызов обществу своим достатком и бессовестно едет прямо перед глазами. А почему я его выбрал? — потому что гараж его прямо во дворе дома стоит. Такой железный, обшарпанный. Но ведь все равно — частная собственность.

Стал я собирать на этого профессора досье. Во-первых, почему гараж во дворе дома? А не за чертой города? Это же какое ему облегчение — вышел из дома, сел в машину и поехал.

Потом жалобу написал. Мол, профессор Кругляшов, хоть и уважаемый, наверное, в своем коллективе человек, а по отношению к жильцам двора ведет себя вызывающе. Все ночи напролет стучит замком об свой железный гараж и скрипит петлями ворот. А потом по несколько часов прогревает двигатель своего роскошного лимузина и травит газами всю окружающую среду: собак, кошек, жильцов дома и помидорные кусты на балконах.

Подписи под жалобой народ ставил охотно. Особенно старушки пенсионерки.

Комиссия проверила, дала нашей инициативной группе ответ, что, мол, факты подтвердились, но гараж разрешено этому Кругляшову оставить на месте, потому что он участник войны.

Вот пострел, везде поспел! И в профессора записался, и в участники.

Но после этого случая перепугался он сильно. Мы с радостью все из окон наблюдали, как он весь день петли у гаража сливочным маслом мазал, как гараж краской защитного цвета красил, как резиновые чулки на замки надевал, как вокруг гаража озеленял территорию — вишневые кустики посадил.

Потом он на поклон ко мне пришел для переговоров.

— Извините, — говорит, — вы председатель кооператива по борьбе с частной собственностью?
Я сразу отрезал:

— Не о чем нам говорить. Я с такими только с позиции злости беседую.

Он извинился и ушел. Ну прямо такой вежливый, смотреть противно. Тьфу! Я пока ему вслед смотрел, у меня в голове следующая жалоба родилась. Мол, что на машине он ездить продолжает, а к этому добавились и другие безобразия. Например, он самовольно захватил земельный участок возле гаража и засадил его вишнями с целью спекулятивной продажи урожая. Другую часть урожая он собирается использовать для приготовления спиртных напитков. Ими он намерен угощать студенток, у которых принимает экзамены прямо в гараже.

Я когда подписи под жалобой собирал, все старушки головами качали:

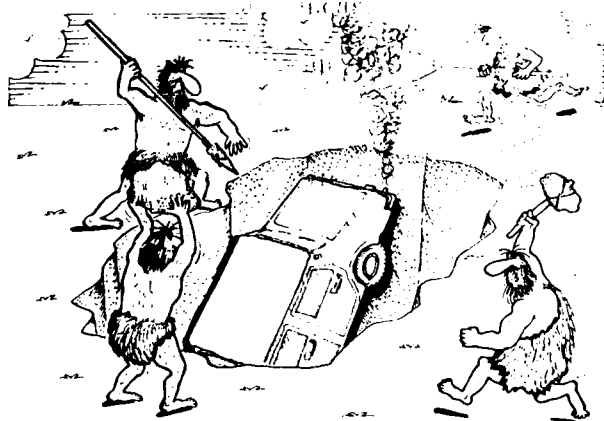
— Вот бесстыжий, вот бесстыжий...

А один пенсионер посоветовал:

— Надо бы его с поличным поймать, тогда от суда он не отвертится.

И мы всем домом устроили засаду с целью последующей облавы. В первом оцеплении у нас стояли пионеры с красными повязками. В кустах лежали пенсионеры с трещотками. А возле гаража — мы, молодежь пятидесятилетняя, с предметами домашнего обихода наизготовке.

Сутки прождали — нет профессора. Послали делегацию к жене. Она сказала, извините, он на даче. Нас всех прямо такая злость взяла. Он, видите ли, на даче отдыхает, а мы под зноем и

дождем должны его караулить. Да и потери уже несем немалые. Дети в школу не ходили. Двух старушек застудили ночью. Один пенсионер солнечный удар получил днем. Их когда в «скорую» грузили, они на прощанье шептали:

— Только живьем берите, живьем...

На третьи сутки под утро появился наш красавец. Пионеры из первого оцепления проморгали его, уснули на посту. Старушек с трещотками в кустах не осталось ни одной, все пострадали на почве погодных условий и бессонницы. Их

эвакуировали по квартирам. Только мы, молодежь 50-летняя и остались один на один с врагом. Человек 16 нас всего-то. Но самые крепкие и яростные. Лежим мы за гаражом в каком-то навозе и видим, точно, он приехал. И не один — со студенткой. Вон, она на переднем сидении, такая толстенькая. Решили мы, пусть они в гараж заедут, а там их и накроем с поличным во время сдачи зачета.

Заехали они в гараж и минут через пять профессор там кряхтеть начал. Я скомандовал:

— В атаку!

И мы ворвались в гараж. Профессор возле машины стоит и обнимает студентку на переднем сидении. Мы закричали:

— Руки вверх! Пусть студентка из машины выйдет.

Он с испугу руки опустил. Смотрим, а на сидении мешок картошки. Видимо, с дачи привез.

В это время из подъезда к «скорой помощи» выносили одну застуженную старушку на носилках. Она как увидела профессора, с носилок соскочила, подбежала к нему и закричала:

— Где девку прячешь, бесстыжая морда?

Профессор посмотрел, посмотрел на нас и протянул мне ключи:

— Возьмите ключи от машины, дачи и гаража.

А сам повернулся и ушел. Ну, все карты спутал. Мы, чтобы восстановить наш воинственный дух, мешок проверили — одна картошка, ни одной студентки.

Пришлось ключи ему возвращать.

Ну, ничего. С завтрашнего для меняю объект наблюдений. У нас тетка одна такого шикарного пса завела, 300 рублей щенков. По национальности сэр-Бернар. Я уже с соседями переговорил, поддержка в народе есть. Действительно, что же это мы, простые смертные, будем ходить и под взглядами хулиганов ежиться, а она своим псом этих хулиганов ежить будет. Ишь какая! Несправедливо.

■ ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Доложу я вам, дал мне бог фамилию — Рокоссовский. У меня спрашивают:

— Как фамилия?

Я говорю:

— Рокоссовский.

И все присутствующие встают руки вверх. Правда, к маршалу я никакого отношения не имею. Просто мы однофамильцы. Жена мне тоже попалась неслабая — Жанна Дарк. В параллельно классе училась. Хорошая девчонка. Чуть что — сразу взглядом лепестки с цветов осыпает. Нянечкой в детском саду работает. А я на заводе — слесарем.

И вот на десятый год совместной жизни я подумал: «Имею я право раз в десять лет напоить-накормить жену, чем она сама того захочет? Имею!»

И пошел по магазинам. Нет, не просто по магазинам — сразу по директорам.

Захожу в первый универсам, прямой наводкой — к директору и говорю:

— Так и так, я — Рокоссовский. А вы кто?

Он объятия раскрыл и мне навстречу бросился.

— А я же, — говорит, — я — Щорс.

Обнялись мы с ним. Я говорю:

— Знакомая фамилия — Щорс. Полководец?

Он говорит:

— Конечно. Мой однофамилец. Ты не стесняйся, Рокоссовский, говори, что надо. Потому что военное братство — оно святое дело.

Я говорю:

— Мне икры, шампанского и кофе растворимого.

А сам думаю, хоть он Щорс, а вряд ли. Не на войне.

Щорс на меня посмотрел, кулаком в воздухе махнул, как саблей, и говорит:

— Ух, молодец! Сразу видно — Рокоссовский. Шампанское я тебе организую, а за икрой пойдешь во второй универсам, там у нас Ковпак.

И за дверь крикнул:

— Эй, Фрунзе! Ящик шампанского Рокоссовскому!

Заходит Михаил Васильевич Фрунзе, полный тезка полководца, и ящик шампанского на стол небрежно — ба-бах!

Потом обнялся со мной, руку пожал и спрашивает:

— А ты в каком универсаме, Рокоссовский?

— Я на заводе.

— Ка-ак — на заводе? Ну, ты не крути. Беру — выше. Понимаю, тайна? Беру — выше.

Подмигнул и ушел. А Щорс позвонил куда-то и сказал мне:

— Давай дуй во второй универсам, Ковпак тебя ждет.

Прихожу я во второй универсам, там мне такую роскошную встречу устроили. Правда, сначала спросили:

— Рокоссовский? От Щорса?

Я говорю, да.

Повели меня к Ковпаку. Шли долго, по-партизански. Коридорами, дворами, складами, подвалами. И вдруг — рраз! — двери настезь, и Ковпак на меня идет.

— Рокоссовский, друг!

Я говорю:

— Ковпак, братишка.

Обнялись, он меня сразу в штаб. Сто грамм, бутерброд с икрой. Причем, бутерброд без хлеба. Одна икра, в ложке.

Ковпак говорит:

— Ты извини. У нас с хлебом перебои. Наши не подбросили. На икре пока перебиваемся.

Я говорю, чепуха, понятно, время трудное — и закусил, ложек восемь.

Он усадил меня, спрашивает:

— Ну, как там дела, на большой земле?

Я говорю:

— Во! Наступаем.

Он говорит:

— А мне некогда и выскочить отсюда, со всех сторон наседают, окружают. Но ничего, держимся. Ты хлеба с собой не принес?

Я говорю:

— Да как-то не подумал.

Он говорит:

— Ты в следующий раз неси. Буханки 3—4. Сложно у нас с продовольствием.

Тебе сколько икры?

Я сказал.

Он соединился по рации:

— Котовский! Икру в землянку.

Заходит Котовский. Опять объятия, поцелуи, слезы. Я тоже прослезился.

Кругом свои. И чувствую, что мы этих гадов, которые окружают, все равно победим. Фиг им, а не икра.

Опять по сто грамм приняли, нарисовали они мне схему на карте, как за кофе пройти незамеченным, как за линию фронта. И пошел я в третий универсам.

Там меня встретил сам Василий Иванович.

Я говорю:

— Чего-то ты, Василий Иванович, мокрый, вроде как реку переплывал?

Он говорит:

— Вспотел просто. Отбиваюсь, наседают. Прямо битва идет. То — дай, другое — дай. Хуже, чем на войне. И все чужие норовят ухватить кусок. Хотя своих все больше и больше становится. Сейчас многие к нам перебегают. Чувствуют, на чьей стороне правда.

— Василий Иванович, так ты и есть Чапаев?

— Не, я Фурманов. Чапаев у нас в управлении.

— А Махно?

— Махно — в главном управлении, у Колчака.

Я думаю, во как все перепуталось. И пошел я одухотворенный. Продукты они мне все прямо на дом привезли.

Отметили мы с женой десятилетие на славу. Я ей говорю:

— Что, — говорю, — Жанна Дарк, делать-то будем?

Она говорит:

— А что делать? Увольняться будем и к своим пробиваться. На том и порешили.

■ ДВА ХОЗЯИНА

(В полусне). Паша, ты, видел, как лошади спят стоя? Не видел? Посмотри на меня и увидишь. Я сплю стоя. Мне даже снятся кошмары. Это от недостатка комфорта. Еще ботинки жмут. Сниму их к лешему...Во-от. Без ботинок лучше. Ноги дышат полной грудью.

Паша, ты зачем взял меня за плечо? Это не ты? Здравствуйте, вы кто? Извините, товарищ сержант, заснул. Знаю, что вокзал, знаю, что нельзя, особенно стоя. А где можно? Спасибо. Про гостиницу я слышал. Нас нигде не

взяли. Спасибо, сейчас еще попробуем.

(Окончательно проснувшись). Паша, просыпайся. Только не падай. Мы идем в гостиницу. Иди за мной...Когда ты научишься спать стоя и не падать?

Паша, ты видишь, как горят мои глаза? Это от бессонницы. Но с ней покончено. Я придумал. Ты видел когда-нибудь негра на вокзале на чемоданах? Не видел? И я не видел. Все, Паша, мы превращаемся в негров и идем бай-бай в гостиницу. Пойдем в парикмахерскую, покрасим волосы, завьем кудри. Пойдем к сапожнику, пусть почистит нам лица и руки.

...Паша, ты прирожденный негр. Как я раньше этого не замечал? Какие великолепные губы и нос. И даже глаза красные. Я знаю, что от бессонницы. Но это так кстати. А мне как этот цвет? Идет? Ну, и отлично. Мы с тобой вылитые негры. Мне кажется, что ты не Паша, а Билл. Пойдем вон в ту, самую ши-карянскую гостиницу.

Паша, не стучи в дверь так громко, не нервничай. Стучи с достоинством, как негр. Вот так...

Добрый вечер, мсье портье, разрешите войти? Вы так любезны. Мы с Биллом решили остановиться у вас. Мэри сказала, у вас самая лучшая гостиница в городе. (Паша, работай под негра, вспомни, что ты о них знаешь). Мсье портье, как вам мой русский язык? О! Спасибо. Вы мне льстите. Это мой родной язык...Второй. Первый — это наш, негритянский. А это Билл. Билл, заходи, здесь так прелестно. О! Я вижу у вас в вестибюле бассейн и пальмы. Билл, мне кажется, в этой гостинице даже лучше, чем в той, откуда мы пришли. Эти пальмы напоминают мне мою родину.

Мсье портье, вы не судите Билла строго за то, что он полез на пальму. Он не видел их 30 лет, он здесь родился. Но он прирожденный негр. Он сорвет всего один кокос и слезет обратно.

О, Билл, ты шалунишка, слезь с пальмы и давай паспорт. Мсье портье говорит, пустая формальность. Вот наши паспорта. Вы можете в них не заглядывать. Мы негры. Не может быть мсье портье. Он? Паша? Ну, какой он Паша? Вы посмотрите, как он прыгает с пальмы на пальму с кокосом под мышкой. Разве Паши так прыгают? Это типичный Билл. В паспорт вкралась неточность. Поверьте нам...

А вот насчет фотографии вы правы, мсье портье. Билл на ней почти белый. Он

просто побледнел. От страха. Он никогда не видел фотоаппаратов. Да еще со..вспышкой. Он три дня ходил бе лый, а потом отошел и почернел...

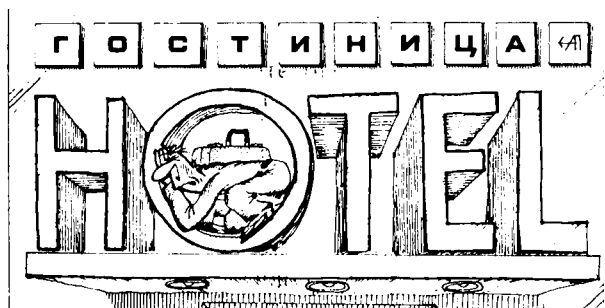
Мсье портье, не утруждайте себя, вот, возьмите доллар на пустые формальности. Что? Это рубль? А чем вы недовольны? Он дороже доллара на 30 копеек. Сдачи не надо.

Алло, Билл! Слазь на землю, нам дали два номера. Чем ты недоволен, Паша? Ах, дорого. Да, да.

Мсье портье, сделайте нам один номер на двоих. Мы при-, выкли у себя на родине жить всем племенем в одном номере Спасибо, мсье портье. и

Паша, ура! Мы в гостинице.

...Паша, не грусти, мы уже неделю живем в гостинице. Чего тебе еще надо? Питаешься в ресторане, обслуживают без очереди, в транспорте уступают место. Мне вчера весь троллейбус уступили. Ехал один. Чего тебе не хватает? Девушек? Ну вот, а чего? Даже эта негритяночка, из соседнего номера на тебя поглядывает. Женит тебя на себе, Паша. Э-эх! Увезет тебя на Берег

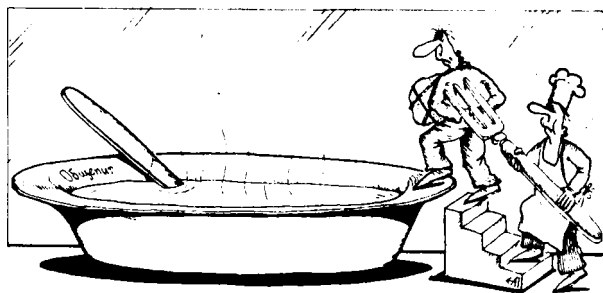
Слоновой Кости, будешь большим вождем. На лучших пальмах спать будешь. А, Паша? Ну, не грусти. Мы же у себя дома, а живем, как в гостях. Что значит, какие гости. Обыкновенные. Гости-негры.

Паша, успокойся. Ну почему ты не хочешь быть гостем-негром? Это так здорово...Хочешь быть хозяином, а не гостем? Понятно. Я тоже хочу. Мне тоже надоело быть гостем...Я согласен, Паша. Пошли мыться, бриться, переодеваться. Будем опять хозяевами! Пойдем на вокзал, будем спать стоя.

■ В БУФЕТЕ

- Скажите, где буфетчица?
- Я буфетчица.
- У вас газировка свежая?

- Свежая.
- А почему осадок на дне бутылки?
- Он тоже свежий. Вчера только выпал.
- А кофе свежий?
- Конечно, воду только что сменила.
- А гуцу не меняли?
- Гуцу — нет, она еще хорошая, на четвертой воде, а кофе натурального цвета.
- А пирожное свежее?
- Свежее, видите, даже пальцем проткнуть можно. Палец по щиколотку входит, видите?
- Вижу, спасибо. А булочки свежие?
- Свежие.
- Почему они о прилавок стучат?
- То прилавок твердый. Обещали поролоном покрыть, но не покрыли.
- Дайте помидоров...гнилой выбросьте, он гнилой.
- Ну и что, что гнилой? Просто поспел сильно. Там и хороший есть. Он вам после гнилого еще слаще покажется.

- Не надо помидоров. Арбузы спелые?
- У нас все свежее и спелое.
- Тогда не надо арбузов. Лучше скажите, почему у вас чай холодный, а компот горячий?
- Зато у нас винегрет горячий, а суп холодный.
- А суп с чем едят? Что-то хлеба не вижу.
- Хлеб не подвезли. К супу могу предложить пирожки с повидлом. А что это вы все спрашиваете, а ничего не берете? Вы мешаете работать. Люди стоят, есть хотят..
- Да, действительно, дайте сигареты...Почему на чеке «спасибо»?

- Это слово продавцы не выговаривают. Проходите, не мешайте работать.
- Извините, можно пирожок с мясом?
- С мясом кончились, есть с рыбой. С мясом будут завтра.
- Тогда я завтра и зайду, зачем перебивать аппетит сегодня?

■ ПАНСИОНАТ ДЛЯ ЖЕЛУДОЧНИКОВ

Санаторий южного города. В комнате за столом сидят Игнат из Запорожья и женщина неизвестно откуда. Известно, что зовут ее Нина, а возможно, Оля. В комнату, робея, входит Василий с чемоданом. Он тихо спрашивает:

— Можно?

Игнат. О-о-о! Новенький приехал. Проходи, рассказывай, из каких краев, как звать?

Василий. Я из Челябинска, Василий.

Игнат. Василь! Уралец! Уральский волк. А я переживал, думал, поделят непьющего, некурящего, нехрапящего, неговорящего. А тут — Василь! Сразу видно — сокол. Какого парня подселили! Знакомься, Василь, это девушка. Она из соседнего номера. Тоже лечиться приехала. Давай, сидай за стол, будем лечиться горилкой з перцем. Меня Игнатом звать, я с Запорожья.

Василий. Извините, товарищ Игнат, я что-то не понимаю. Это пансионат для желудочников?

Игнат. Пансионат. Для них, для бедолаг. Сидай, выпей.

Василий. Так у меня же язва. Я лечить ее приехал. На воды.

Игнат. На воды, на водки, какая разница? Ты же в отпуску?

Василий. В отпуске.

Игнат. Ну, вот и лечись. Горилка з перцем любую шву створяет. Как масло.

Василий. А вы тоже больные?

Игнат. Все как один. Видишь, лечимся. После вчерашнего. Давай штрафную.

Василий. Ну, если немного, за знакомство.

Игнат. Какого парня подселили! Давай за знакомство. Это девушка. Знакомься. Она из соседнего номера, звать — Нина. Нина, тебя как звать? Оля? Ну вот, значит, Оля. Прекрасное имя, не хуже, чем Нина.

Василий. Оля, ваше здоровье! Можно, я буду звать тебя на «вы» и по имени-отчеству? А то неудобно. Нельзя? Ну хорошо. Я буду звать вас на «ты» и Олей, раз вы так очень хочешь.

Игнат. Василь! Давай еще по одной. За язву, язви ее. Чтоб растворилась, как сигарный дым. Закури, Василь!

Василь. Я не курю.

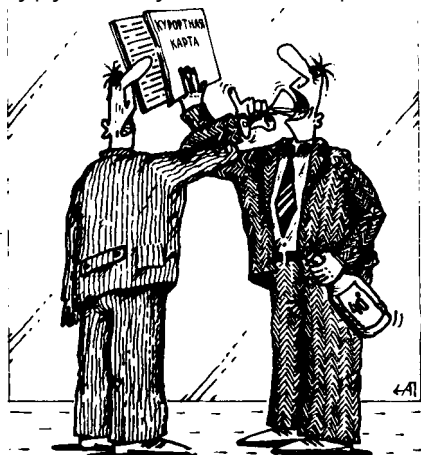
Игнат. Кому ты рассказываешь? Ты же уральский волк. На, закуривай, «Север». От язвы помогает. А с Ниной ты про все язвы забудешь. Правда, Нина? А, Оля, да, да. Тоже хорошее имя. А ты как сюда попал, Василь?

Василий (закусывая). О-о! Это целая история. Всю жизнь мечтал отдохнуть на юге по турпутевке, чтоб в разгар сезона. В профкоме говорят, где мы тебе в разгар сезона турпутевку достанем? Да еще на юг. Есть одна лечебная для желудка, но ты же сердечник. Вижу, каждый год отдых срывается. Решил стать желудочником. С трудом нажил язву, язви ее. Думаю, здесь отдохну, а заодно и язву вылечу. Врач выписал мне курортную карту, и вот я приехал.

Игнат. О! Василь! Ты играешь в карты? Ну, сокол, ну, уральский волк. Какого парня подселили! А я боялся. Думал, поделят доходягу. Слышала, Нина, оформил игральные карты и — на юг! Отдыхать! Совсем, как я. Я ведь тоже зашел в завком, путевку в один карман, карты — в другой и поехал.

Василий. Курортные карты.

Игнат. Ну, правильно, курортные игральные карты. Давай, сдавай, Василь. В буру, в секу, в очко, в храп, как хочешь?

Василий. Да пока не хочется. Может, на процедуры сходим?

И г н а т. На какие процедуры?

Василий. Я имею в виду на...танцы?

И г н а т. Ну, Василь, ну, уральский волк. Какого парня подселили! На танцы пойдём. Надо растрясти язву, язвы ее. Давай еще по одной. Василь, ты бараниной закусывай или свининой.

Василий. Ая думал, витамины здесь есть буду. Врачи советовали.

Игнат. Какие витамины? Горилку витаминами не закусывают. Пусть витамины бараны едят, а мы баранину есть будем. Там витамины в концентрированном виде. По четыре витамина в каждой порции скотины. Ха-ха-ха.

Василий (расходясь). Ну, хватит закусывать. Пойдем на процедуры. На танцы!...Ой!

И г н а т. Что с тобой?

Васи л и й. Ой... желудок схватило...

И г и а т. Не падай, Василь, не падай. Ну вот, упал. Нина, вызывай «скорую». Ну, Оля, Оля. В общем, обе вызывайте «скорую». Повезем па пей Василя на танцы. Там отдышится. Какого парня подселили!

■ ГЛАСНОСТЬ ИВАНОВНА

Как-то так повелось, что в переломные периоды истории возникают и соответствующие имена людей. Вот, например, раньше были имена: Революция, Милиция, Электрификация. Да и сейчас общественные идеи прочно входят в личную жизнь. Время такое бурное.

И вот в это интересное время и решили собраться вместе интересные люди с интересными именами на Новый год.

Собраться решили у рядового труженика без имени и без фамилии.

Первой пришла Гласность Ивановна. Она была девушкой красивой, но какой-то недокормленной. Видимо, сказывалось тяжелое подпольное детство. У нее были огромные испуганные глаза. И ма-а-аленький ротик.

— Гласность Ивановна, дорогая, проходите, садитесь, рассказывайте, — пригласил хозяин дома, рядовой труженик.

Она прошла в комнату, озираясь и вздрагивая. А потом стала устраиваться на краешке стула. Краешек она хотела занять очень маленький и поэтому даже два раза падала. Наконец, она присела, но как-то над стулом. И скромно моргнула большими глазами. Она редко ими моргала. Примерно раз в квартал.

В это время в квартиру без звонка ворвалась Демократия Степановна. Выглядела она хорошо. Она всегда была женщиной очень популярной. Ведь про нее по многу раз в день говорили по телевизору. Но вот так в жизни хозяин увидел ее впервые. Она сразу шикарно уселась и закурила. Стул она выдернула из-под Гласности, но та не упала, продолжала сидеть без стула.

— Скучно у вас, — сказала Демократия Степановна, — может, расскажете что? — обратилась она к Гласности.

Гласность Ивановна скромно улыбнулась и написала на бумажке «Нельзя, а то услышат». Она показала текст и бумажку скушала.

— А кого мы еще ждем? — нетерпеливо спросила Демократия Степановна.

— Ускорение должен прийти, — ответил хозяин, — что-то опаздывает.

В дверь позвонили. На пороге возникли братья-близнецы Оптимизм и Пессимизм, оба Егорычи. Оптимизм сразу включил телевизор. Там передавали сводку погоды. Оптимизм не расслышал и переспросил:

— Какое, какое направление свежего ветра ожидается?

Пессимизм ответил:

— У нас одно направление — в морду.

В дверь позвонили.

— Ускорение пришел! — воскликнула Демократия Степановна.

Но это был опять не он. В комнате появился бодрячок с барскими замашками по имени Застой Ильич. Из карманов у него торчали четыре взятки и два служебных положения. Ими он все время пользовался.

Застой Ильич сказал задумчиво:

— Вот взял четыре взятки, а на душе почему-то беспокойно.

— А ты отдай, — посоветовал Оптимизм.

— Да кто же свои-то отдает?

За стол решили садиться без Ускорения. Каждый налил себе спиртное по вкусу. Пессимизм — из банки в кружку. Оптимизм — из канистры в фужер. Демократия Степановна — из фляги в рюмку. Лишь Застой Ильич решил себе не наливать. Он принес с собой и мог из горлышка.

После первой за старый год стало заметно веселее. Демократия Степановна встретила взглядом с Застоем Ильичем и сразу зарделась и загозилась. В

молодости он был мужчина не промах, и Демократия об этом хорошо знала. Он подмигнул и сказал ей:

— Ну что, Степановна, а ты молодцом! С тех пор почти не изменилась.

Потом он покосился на Гласность Ивановну и спросил:

— Кто така, почему не знаю?

— Да это же наша Гласность! — хором ответили ему.

Застой Ильич поманил ее пальчиком и подарил тюбик зубной пасты. Гласность Ивановна метнулась в ванную чистить зубы. Остальные выскочили из-за стола и устроили очередь в ванную.

За стол все вернулись белозубыми. Гласность Ивановна от такого счастья улыбнулась во весь ротик. Там был всего один зубик.

— А остальные где? — спросил Застой Ильич.

— А то вы не помните? — нехорошо засмеялась Демократия Степановна.

— Да, хорошее было время, — сказал Застой Ильич, — и поискал глазами чем закусить.

— А вы — язем, язем, — посоветовали Оптимизм и Пессимизм.

— Пожалуй, съем хвостик, — и он отрезал хвост по самую голову.

Гласность Ивановна знала, что язь — радиоактивный. Но промолчала.

В дверь опять позвонили.

— Ну, это точно — Ускорение, — сказал Застой, открывая.

На пороге стоял еще один Застой.

— Зачем два Застоя-то? — закричала Демократия Степановна.

Второго Застоя общими усилиями вытолкали за дверь. Он долго ругался с той стороны и напоследок сказал:

— Погодите уж, приду ишо.

И ушел.

Застой Ильич всех успокоил:

— Да не расстраивайтесь вы, — и подарил каждому по средству от тараканов.

Настроение заметно поднялось. Все представили, как они будут жить без тараканов.

За дверью кто-то жалобно скулил и скребся.

«Ну, это точно Ускорение», — подумали все.

В квартиру вошел маленький Новый год. Он долго шарил в пустом мешке. Потом вынул и предъявил свои документы на имя Ускорения.

— Так вот оно какое маленькое?! — удивился Застой Ильич, и ради этого сопляка весь сыр-бор?

— Ничего, подрастем, — уверенно заявил Новый Год, он же Ускорение. — Давайте-ка посмотрим в будущее.

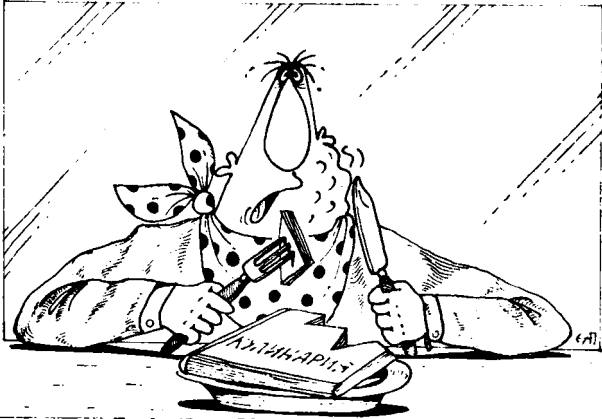
Все построились в шеренгу, завязали глаза Пессимизму и посмотрели в будущее. Вместе с Оптимизмом.

■ ОКРОШКА

Окрошка — она и в Англии называется окрошка. В жару хороша, особенно после пляжа. Кстати, наше национальное блюдо. Приготовить ее не хитро, мудрено все компоненты враз достать. Лук, огурцы свежие, картошку, сметану, яйца, петрушку, колбасу, перец, квас. Остальное — по вкусу и возможности.

Разгар лета стоял. Я пошел и купил огурцы и лук свежие, картошку, петрушку, яйца. Не мог найти сметану, колбасу, перец, квас. К вечеру проголодался, съел огурцы и лук свежие, картошку, петрушку, яйца. На следующий день купил недостающие сметану, колбасу, перец и квас, но не мог найти уже огурцы и лук свежие, картошку, петрушку и яйца. К вечеру проголодался, съел сметану, колбасу, перец и квас.

Решил делать по-другому. Купил огурцы и лук свежие, много. Положил в холодильник. Потом купил картошки много, положил. Еще через день купил яйца, положил в холодильник. Через день — колбасу, через день — перец, сметану, все — в холодильник. Через три дня достал квасу, принес домой, стал делать окрошку. Достаю огурцы и лук свежие, а они не свежие. Кар-

тошка мягковата, от колбасы Тобик отказывается, сметана дала пузыри.

Вижу, одному не осилить приготовление блюда, решил подключить друзей. Андрей покупает огурцы и лук свежие. Борис — картошку, петрушку, Вова — колбасу, Гриша — яйца, сметану, Дима и я — перец и квас. Назначили день, собрались у меня.

Андрей принес консервы, Борис — штопор, Вова — хлеб, Гриша — грузинскую заварку, Дима — кипятку в термосе. Посидели, попили чайку без сахара, но с конфетами «Батончик» и разошлись.

А окрошка? Да зачем она сейчас, когда на дворе зима началась.

■ ВЫПИСКА ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА

Никифоров Степан Степанович, возраст 18 лет.

Заявление Никифорова

Прошу принять меня на завод на должность инженера с общим заработком 250 рублей в месяц. Образование: 8 классов Прошу оформить с 1-го сентября с восьми часов московского времени.

Резолюция: в отдел кадров — оформить инженером, в бухгалтерию — оклад назначить.

Заявление Никифорова

Прошу уволить меня с работы с 1-го сентября с 8 час. 45 минут московского времени.

Резолюция: уволить.

Справка на Никифорова

Общий стаж на заводе: 45 минут и 302 тысячных секунды (определен по фотофинишу).

Заявление Никифорова (от 8 час. 02 мин.)

Прошу обеспечить меня 3-комнатной квартирой.

Резолюция: обеспечить.

Заявление Никифорова (от 8 час. 05 мин.)

Прошу направить меня на учебу от завода в институт на рабфак. Стипендию назначить от завода в размере оклада.

Резолюция: направить на учебу, стипендию назначить.

Заявление Никифорова (от 8 час. 10 мин.)

Прошу выделить мне бесплатную путевку в Ялту на сентябрь месяц.

Резолюция: выделить.

За время работы на заводе проявил себя способным грамотным специалистом в области инженерно-слесарных проблем. Дисциплинирован, аккуратен. Как передовой работник, неоднократно поощрялся бесплатными путевками в места курортного лечения.

Обладает большими способностями к учебе. Направлен на учебу в институт на рабфак. За время работы опозданий и других нарушений производственной дисциплины не имел. Является наставником молодежи.

Характеристика дана для предъявления в народный суд по месту возбуждения уголовного дела на Никифорова. Туда же направляются 4 (четыре) общественных защитника, хорошо знающих обвиняемого, проработавших с ним бок о бок всю его трудовую жизнь.

Администрация надеется, что суд учтет огромные заслуги Никифорова перед заводом и смягчит меру наказания до возможно низких сроков, хотя бы лет до семи-восьми.

Характеристика на Никифорова

Подпись, печать.

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО

■ АТЫ-БАТЫ, ШЛИ ДЕБАТЫ

Раньше у нас на выборах кандидат был один, а продуктов в буфете много. Теперь кандидатов много, а продукт — один. Идешь на выборы, а выбрать не из чего.

Но не все же идут на выборы продукты выбирать, некоторые — и людей! Хотя и продукты не помешали бы.

Так вот, на нашем участке всего на одно место было целых два кандидата: братья-близнецы Хусаиновы, оба директора заводов, оба члены партии, оба — молодые, оба — Пети.

И вот, значит, мы с женой сначала растерялись. Кого выбирать? Одинаковы, черти, как два куриных яйца. Ведь есть же нормальные близнецы, которых хоть как-то отличить можно. А эти — ну прямо отражение в зеркале. На собрании их доверенные лица объяснили, что близнецы эти, Хусаиновы, не простые близнецы, а по медицинской терминологии — однойцевые. Мы сначала подумали, ага, значит, мужики с дефектом. Им бы таким обоим — прямая дорога в Верховный Совет по старым понятиям. Но нам объяснили, что такая похожесть зависит только от матери и от природы. А мужики они оба нормальные, без дефектов.

Сели мы с женой после собрания, пообсуждали, а мнения, ну прямо

разделяются и все. И написали мы тогда письмо на телевидение, чтобы, значит, оно устроило среди них теледебаты. Чтобы мы могли их внутренний мир прощупать, раз внешний у них совершенно одинаковый и не прощупывается.

И глядим, через недельку в программе телевидения, точно, теледебаты между кандидатами в депутаты Хусаиновым Петром Петровичем, членом партии, директором завода и Хусаиновым Петром Петровичем, директором завода, членом партии.

А к этому времени нам уже объяснили, почему они оба молодые, оба — Пети. Дело в том, что как только они родились, их назвали Ваня и Петя. Но тут же перепутали. И решили, чтобы больше не путать, назвать обоих Петями, пусть живут.

В назначенный день сели мы у телевизора и приготовились к прямой пропаганде. Вначале появилась женщина-корреспондент.

- Итак, начнем, — сказала она, — наши зрители спрашивают вас обоих, Петры Петровичи, что вы считаете главным в своих предвыборных программах?

Первым начал Петр Петрович Хусаинов:

— Главным я считаю — это накормить народ.

— А я считаю, — добавил Петр Петрович Хусаинов, — это, все-таки, народ накормить.

От этих слов у меня внутри словно ангел босиком пробежал с килограммом мяса — так потеплело. Вот, думаю, хорошие кандидаты, жаль, что только один пройдет, а вдвоем они бы быстрее накормили. Присмотрелся я к ним, а они, оказывается, не такие уж одинаковые: у одного — синий костюм, похоже, финский, у другого — зеленый, похоже, английский. Большое дело — теледебаты.

И тут синий Петр Петрович как раз добавляет, что неплохо бы еще этот самый народ и одеть. А зеленый Петр Петрович сказал:

— И обувь.

А синий добавил:

— Я сам разденусь, но народ одену.

А зеленый вставил:

— А я сам разуюсь, но народ обую.

— А я сам с голоду помру, но народ накормлю.

— И я помру...

Тут корреспондент их прервала и говорит:

— Кстати, о птице. Только что поступил вопрос по телефону: «Правда ли, что вы отовариваетесь продуктами в спецраспределителях?»

— Неправда, — сказал синий Петр Петрович, — я отовариваюсь, где и все, в обычном магазине. Только вход с другой стороны.

— А я вообще не отовариваюсь, — сказал зеленый Петр Петрович, — мне привозят.

— Это ветераны отовариваются, — добавил синий, — от них все беды.

Корреспондент кивнула головой и сказала:

— Ваши избиратели спрашивают, в какой квартире вы живете?

— Я -- в маленькой, — сразу ответил синий Петр Петрович.

— А я в очень маленькой, — не задумываясь, сказал зеленый Петр Петрович.

— А я еще меньше.

— А я — вообще на вокзале.

— А я — на автовокзале.

— А я — в комнате матери и ребенка.

— А я — только ребенка.

— А я вообще нигде не живу.

Пока зеленый Петр Петрович думал, что бы еще сказать, корреспондент спросила:

— А сколько вы получаете?

— Я — мало.

— А я — очень мало.

— А я — еще меньше.

— А я — меньше некуда.

— А я — на рубль меньше.

— А я — вообще не получаю.

— А я в день получки свои отдаю.

— Спасибо, — сказала корреспондент, — а как вы относитесь к молодежи?

— Я — хорошо.

— А я — очень хорошо.

— А я — лучше некуда.

— А я — еще лучше.

- Да я без молодежи, как без рук.
- А я — как без ног.
- Извините, а как вы относитесь к Сталину? — спросила корреспондент.
- Я — плохо.
- А я — очень плохо.
- А к выводу войск из Афганистана? — вставила корреспондент.
- Я — хорошо.
- А я — вообще замечательно.
- А к вводу? — спросила корреспондент.
- Я — плохо.
- А я — хуже некуда.
- А я — хуже есть куда.
- Ваше отношение к кооперативам, — спросила корреспондент.

- Положительное.
- Очень положительное.
- Я их просто люблю.
 - А я их люблю выше крыши. Я жену так не люблю.
 - Вот, кстати, о женах, — сказала корреспондент, — у вас спрашивают, правда ли, что вы женаты на дочери бывшего первого секретаря э-э...
 - Неправда! Перед тем, как идти на телевидение, я с ней развелся.
 - А вы? — спросила корреспондент зеленого Петра Петровича, — правда ли, что ваша жена — двоюродная сестра бывшего Председателя президиума...
 - Неправда! Вы видите, я пишу заявление? Это — на развод. Она мне больше не жена.
- Корреспондент продолжила:
- Многие зрители озабочены состоянием экологии в нашем городе. Говорят,

что ваши заводы...

— Неправда! Мы спускаем в речку только экологически чистый мазут.

— А мы — только экологически чистый цианистый калий.

Но на ваших заводах нет очистных сооружений, — сказала корреспондент, — когда вы их построите?

— Завтра.

— А я — сегодня.

— А я — прямо сейчас. Разрешите позвонить (набирает номер). Вася, приступай! Через пять минут доложишь (кладет трубку). Все, построили.

— Прошу прощения, — вставила корреспондент, — как вы считаете, к какому крылу партии вы относитесь, к правому или левому.

— Я — к левому.

— А я — к крайне левому.

— А я — левее некуда. Левее капитализма.

— А я — на полметра левее.

— А я — вообще за Ельцина.

— А я — давно за Маргарет Тетчер.

— Тогда извините, — прервала корреспондент, — зачем вам это нужно?

— Мне — не нужно.

— А мне — тем более.

Да я чихать хотел.

А мне — вообще наплевать... Главное, чтоб избрали.

— А мне главное, чтобы мандат.

Корреспондент подвела итог:

— Вы поняли, дорогие зрители, что перед вами выступили два совершенно достойных кандидата. Так пожелаем им обоим счастья и успехов на этом нелегком политическом поприще.

Я до самых выборов мучился: кого выбирать? Зашел в кабину и обоих вычеркнул. Когда вычеркивал плакал. Таких ребят загубил: и накормить, и одеть, и обуть. Из других кабинок, смотрю, люди тоже в слезах выходят.

Так и зарубили достойных из достойных. Поэтому я обращаюсь к избирательным комиссиям, если без них нельзя обойтись: в следующий раз утверждайте хоть близнецов, хоть тройняшек, хоть кого, но пусть хотя бы один из

них будет с родинкой на щеке. Чтоб отличить можно было.

■ ЮНЫЙ ПЕНСИОНЕР

Лично я начал думать о пенсии с 6-ти лет. И особенно, о пенсионном возрасте.

Где-то наверху сейчас есть мнение — поднять пенсионный возраст хотя бы до 65-ти. Действительно, на Западе кое-где уже. Но там они до пенсии доживают. Но и у нас можно поднять. Ну, кому плохо, если в 59 кто-то умер, а в 65 пошел на пенсию?

Но все-таки пенсионный возраст лучше определить научно. Что мы сейчас и сделаем.

Как вы думаете, сколько лет в среднем человек живет в Советском Союзе? В Советском Союзе — по-разному. Бывает, и в 25 уезжают. Но мы берем самую высокую цифру — 100 лет. Может у нас человек столько прожить? Может. При условии, что он не курит, не пьет, не болеет раком, СПИДОМ и другими простудными заболеваниями. Живет один и дышит горным воздухом на горе Пик Коммунизма. Это наш идеальный советский гражданин.

Теперь берем нашего среднего гражданина. Пьющий ли он? Если из двух один пьет, а другой — нет, в среднем они оба алкоголики. Значит, наш средний гражданин пьющий.

Теперь выясняем, курящий ли он и устойчив ли морально? По той же схеме в среднем получается — да, курящий и периодически влюбляющийся.

Теперь, кто он, средний — мужчина или женщина? Если один — он, а другая — она, то в среднем — оно. Итак, мы получили нашего среднего советского гражданина, бесполого, пьющего, курящего и периодически влюбляющегося.

Начинаем подсчет от идеальной цифры сто.

1. Пьет — минус 10 лет.

2. Курит — минус 10 лет.

3. Периодически влюбляется — минус 10 лет.

4. Ходит по магазинам — минус 10 лет...Что, много? Но он же действительно ходит по магазинам, потому что не на пике Коммунизма живет, а в долине социализма. И когда он идет воз

ле магазина, а там дерутся за финскими рубашками, он же не удержится, вступится. Обеспеченность рубашками финскими у нас в среднем по стране высокая ноль целых, пять десятых на человека. А тут такой случай— хапнуть для себя целую финскую рубашку. И он вступает в драку. В результате целой финской рубашки ему не достается, а русской целой на нем не остается. И так, заметьте, каждый день. Так что 10 лет на магазины промтоварные — это в самый раз.

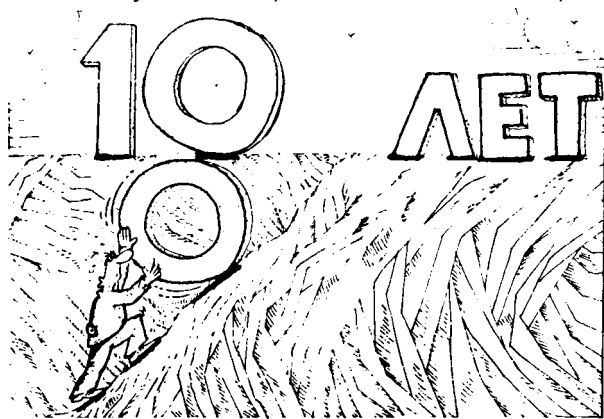
Я не беру в расчет общественный транспорт. Потому что если десять трудящихся идут на работу пешком, а один руководящийся едет на «Волге», то в среднем у нас на каждого получается по ноль целых, одна десятая «Запорожца». То есть с транспортом хорошо.

5. По продуктовым магазинам на продолжительность жизни влияют. Ведь даже дерево, если его вовремя поливать и подкармливать, растет лучше и живет дольше. А вы дайте ему солнце - по талонам, а воду по карточкам. Сколько оно протянет?

6. Приходится учитывать и книжный дефицит. Когда у меня начинаются схватки в желудке после продмага, я читаю книгу о вкусной и здоровой нище. Это помогает. Но не у всех же есть эта книга.

7. 10 лет жизни отнимает у нас наличие экологии. Я не понимаю, кому помешали наши родные каракалпаки? Кто-то взял и украл у них Аральское море. Я не могу понять, зачем калмыков заразили спидом? Их и так мало, у нас ведь есть народности побольше. Но заразили именно их, причем самым коварным способом: не от удовольствия, а от шприца.

8. 10 лет жизни отнимает у нас медицинское обслуживание. Допустим, человек широко зевнул. От веселой жизни. И у него заклинило челюсть. Приходит он в больницу, а доктор тактично так говорит ему:

— Чего рот разинул? Ну чего разинул?

А человек не может ответить тем же с открытой челюстью. А доктор задает наводящие вопросы типа:

— Вы когда последний раз болели СПИДОМ?

Рот у пациента раскрывается еще шире. И доктор отправляет его к другому врачу удалять гланды.

9. Теперь о стрессах. Представьте, наше среднее существо, извините, средний гражданин, бесполой, пьющий, курящий, периодически влюбляющийся, одетый в ноль целых 5 десятых рубашки, в одном целом и одном порванном ботинке едет на ноль целых одной десятой «Запорожца» к своей средней возлюбленной, в среднем проститутке. Наш средний гражданин в среднем сказочно богат, потому что имеет огромный флот, армию и периодически запускает «Бураны» многоразового использования. И в среднем он очень счастлив. Но у девушки его подстерегает стресс по фамилии Стресс. И девушка уже перешла на его фамилию. Такие стрессы уносят еще 10 лет нашей жизни.

А теперь подведем итог. От возраста в 100 лет идеальной жизни советского гражданина мы отнимем годы, которые уносит наша реальная средняя жизнь. Получается: $100 - 90 = 10$ лет. Это наша средняя продолжительность жизни.

Но мы не учли атомные электростанции, самолеты, корабли, землетрясения, горисполкомы. Наводнения, райсобесы. А они, вместе взятые, отнимают у нашего среднего гражданина оставшиеся 10 лет жизни.

Таким образом получается, что средний возраст у нас сейчас достигает ноль целых, ноль десятых лет жизни.

А ведь на пенсию надо выйти хотя бы чуть-чуть пораньше. Чтобы отдохнуть на склоне лет, помянуть внуков. Поэтому пенсионный возраст, я считаю, надо назначить раньше нашей жизни хотя бы на 9 месяцев.

■ ТАК НЕЛЬЗЯ!

(монолог инженера по технике безопасности)

Я смотрю, вы тут День города прямо на улице учинили. В разрез с правилами техники безопасности. Додумались — концерт артистов с понтонной эстрады на пруду. Это неслыханное самоуправство. Я тут замечания свои набросал и даже

отпечатал. В ВЦСПС второй экземпляр пойдет. Понтон же может спустить и затонуть. Может, там какой вредитель уже сверлит дырку под водой. Мало ли хулиганов. Им только сверло дай, они весь понтон продырявят.

А шквальный ветер. Налетит, и понтон из Свердловска — в открытое море. И артистов с понтона сдует. Их сдует, а в пруду хищные рыбы. Всех перекусают. И ходи тогда, колись от бешенства. 40 раз.

А где же промышленная санитария среди артистов? Вот эти из мюзкомедии — они же целуются на ветру. Они же на глазах у зрителей зарабатывают простудное заболевание. Хорошо — простудное. А если что другое? Сейчас всякая зараза ходит. Вспотел, поцеловался — и хорош. А вакцины нету.

Додумались — люльку с диктором телевидения и конферансье подвесили над водой на кране. А если люлька оборвется. Вы спросили их — они умеют плавать?...И летать?

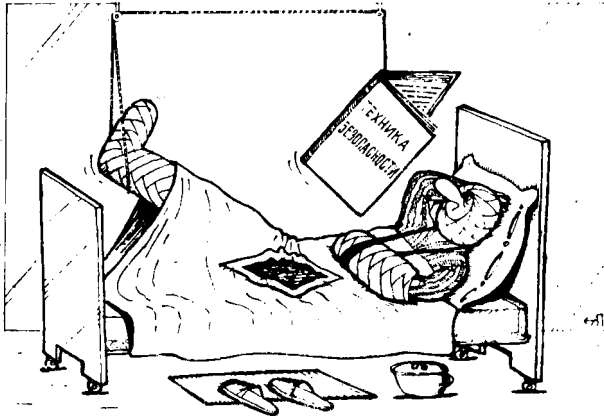
А вдруг этот кран сломается, и током их дернет. Или — гроза! И шаровая молния. Прямо в глаз. Да любая хищная птица будет считать своим долгом клюнуть диктора в люльке. Хорошо — просто клюнет. А если она его из люльки вообще унесет? В гнездо? Ведь у этой птицы птенцы. Кушать хотят. Кто нам потом по телевизору новости читать будет?

А зрители? Они же под открытым небом. Вдруг дождь. Или град. Величиной с яйцо. Всех же перебьет, как на Бородинском поле.

А гигиена труда?! Почему певец так широко рот открывает? Ведь малярийный комар только этого и ждет.

А что скажет Госпознадзор? — наши любимые пожарники. Тут двое влюбленных на эстраде так друг на друга смотрели, что между ними возникла даже не искра, а дуга! В таких случаях анод от катода надо срочно изолировать. А у вас эти влюбленные целую минуту дугу держали, чуть всю сцену не пожгли. Если по сценарию так положено, согласуйте его с Госпознадзором. А если нельзя без этого — пусть между влюбленными стоит наблюдающий. С ведром воды. При возгорании плеснет.

Ну нельзя же так безответственно. Где разрешение Котлонадзора на ваш концерт? Вы думаете, когда певец поет, в нем

давление 120 на 70 в миллиметрах ртутного столба? Вон он как пыжится, кожилится. Я сам манометром этих певцов замерял - в них давление до 15 атмосфер, как в котле. Особенно, у оперных. А ваш певец такое давление выдержит? У него справка от Котлонадзора есть? А вдруг не выдержит? И авария. Взрыв. Ударная волна. Катастрофа. Кто жертвы считать будет? — ни одного бухгалтера с красной повязкой. Где сандружина? А план ГО у вас отработан? - на случай взрыва певца. Вижу, что не отработан. А какая же песня без плана ГО? Куда же вы эвакуироваться будете после песни?

А музыканты? У них же электрогитары электро! А допуска к работе на электроустановках до тысячи вольт - пет. Вы думаете, у него ток из гитары в усилитель идет? А я видел, что наоборот - из усилителя в гитару. Потому что вон он как прыгал, дергался, корчился. Это же его током било!

И ведь ни один из зрителей не выбежал, не помог, не сделал ему искусственное дыхание «рот в рот». Потому что плохо у нас с оказанием первой помощи пострадавшим.

Как же вы не понимаете, что вот так праздновать День города нельзя. Я категорически против.

Я так понимаю. День города — сиди дома. Свет притушил, из розеток все выдернул и сиди жди звонка. Позвонят, скажут, когда радоваться. И как радоваться. Сильно или так - средне.

А так — нельзя!

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО

Монолог напуганного спикера в США

Вы слышали, господа конгрессмены, у них там перестройка идет? И они сами

говорят, что мы, американцы, испугались. Не знаю, кто как, а я испугался. Аж весь дрожу!! Мне уже кажется, что наши американские и индейские корни подгрызает пресловутый Восток.

Особенно боюсь за нашу молодежь. Мне кажется, она совсем перестала смотреть родные американские фильмы и ломится на «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень». Мне кажется, что наши юноши и девушки перестают танцевать брейк-данс на голове. Они начинают вызывающе водить хороводы. Я прямо чувствую растленное влияние Востока в нашем искусстве. Еще немного - и наш кумир Майкл Джексон будет петь под Кобзона. Он уже и сейчас нет-нет и встанет столбом на сцене. Это развращает нашу молодежь. Хотя больше уже некуда. Ведь молодые американцы, наслушавшись восточных радиоголосов, бросились героически трудиться. Они не хотят обращать внимания на комаров зарплату. Их хлебом не корми, а дай где-нибудь поработать. А что мы, американцы, можем предложить им взамен? А ничего! Кроме красивой жизни.

Недавно на Бродвее произошел безобразный случай. Все девушки из борделей вывалили на улицу с метлами. И мели с криками «Субботник!» Но нельзя же так слепо поклоняться Востоку. Ведь у нас все-таки есть дворники. Потом эти же девушки шли по улице с плакатами «Даешь пятилетку за четыре...ночи!» Кому же будут нужны такие девушки?

Мне стыдно сказать, но в библиотеках совсем не читают исконно американскую книгу «Хижина дяди Тома». А ведь это он сказал: «Красен вигвам не углами, а пирогами» (том 2, стр. 2, дядя Том). Я не знаю, кто допустил к продаже чуждую нам книгу «Поднятая целина». Но сейчас мне кажется, каждый наш фермер мечтает поскорей разориться и податься в колхоз. Чтобы производить там по два зерна с гектара и ничего не делать. Чтобы получать по два стакана молока от коровы и заниматься самогонованием. И ждать шефов из Чикаго на уборку картофеля.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что наши бизнесмены ни с того ни с сего бросились охранять природу и полностью загадили озеро Мичиган. Зачем же так слепо перенимать передовой опыт Востока?

Мне вчера приснилось, что наши гидростроители на юге втихаря повернули вспять Миссисипи. И она начала впадать в саму себя. Будто бы угрохали на это дело весь годовой бюджет, и сейчас наши миллионеры стоят в очереди за

миской супа. Хорошо, хоть приснилось, что суп пока с мясом и бесплатный.

Кстати, об очередях. Я был уверен, что на нашей почве это дело не приживется. Я боюсь, что психология пролезет и сюда. Эти идолопоклонники Востока уже начали создавать очереди за

всякой чепухой. Мало того, они обучают в очередях нашего обывателя ругаться, толкаться и наносить оскорбления действием.

А наши бедные негры. Мне жалко смотреть на них, когда они едут на дешевеньких «Тойотах». Почему они перестали бороться за свои права? А только перешептываются за углами.

Правда, оживились рядовые рабочие. Они требуют улучшить благосостояние и поднять, наконец, цены на продукты питания. Но с другой стороны, они стали неохотно ходить на демонстрации. И почему-то плакаты несут угрюмо. Хотя на плакатах их же кровное требование: «Долой виски и мартини!» Чего они такие угрюмые?

Даже наши американские политики изменились. Поговаривают об усилении демократии и отмене прямых выборов.

Словом, я, как истинный американец, обеспокоен! Я призываю к гласности. Надо бороться! Надо критиковать! Только почему это мы вдруг стали критиковать Рузвельта? Как будто сегодня мы живем без президента.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Граждане судьи, за что? Она, в смысле вот его жена, вот этого, потерпевшего, вот она сама на меня посмотрела. Первая. Она ко мне как раз спиной стояла. А

на меня сзади как раз надавили, и я к ее спине как раз прижался. И мы с ней оказались в таких близких отношениях, что я чувствую, пора знакомиться. Интеллигентные люди в таких случаях знакомятся. А перед знакомством, думаю, хоть на лицо ее взглянуть. А то познакомишься, а потом лицо не понравится. И вот тут она на меня посмотрела. Первая. А я - второй. А ее муж, вот этот, потерпевший, он с другой женщиной стоял, справа от меня. Они очень плотно стояли: ноздря к ноздре, вот на столько. Когда я его жену развернул анфас, то сказал ей:

- Здравствуйте, вы меня помните?

Она говорит, нет.

Я говорю, как же? Вы же только что ко мне спиной стояли. Это я.

И тут вот этот, потерпевший, затрепыхался. Говорит, как вы смеете с чужой женой на таком расстоянии стоять, да еще ее же и разворачивать.

А я говорю, если она ваша жена, чего же вы к чужой носом прижались вот на столько. А он на свою жену кричит:

—А ты чего молчишь? Он к тебе лезет, а ты молчишь. Кричи, зови на помощь. У нас не буржуализм. Приедут, разберутся...в течение месяца

Тут меня просят передать на билет. Я машинально деньги в кулак зажал и передаю. А этот потерпевший взял и своим носом со всего размаху мне в кулак въехал. Вот синяк. Экспертизу я снял. У него же не нос, а железный рог. Товарищи судьи! За мое же добродушие, моему же кулаку от его же носа еще и досталось же.

Теперь так: возвращают эти деньги обратно без билета и объясняют:

— Здесь вам еще не автобус.

Кто-то в этой суматохе ошибся и передал на билет, думал, что он уже в автобусе. А я стою в этой очереди и думаю, так и в театр не попадешь, до кассы еще далеко.

А в это время по очереди прошел слух, что всем не хватит. Началась паника. Нашу женщину вообще куда-то оттерли, а вот этот потерпевший оказался впереди меня. Ко мне спиной. И сразу начал пинаться. Пинал в мою коленку своей задней частью. Товарищи, всю мою коленку испинал. Вот синяки. Экспертизу я снял. Боль стояла ужасная. У него эта часть как железная. Я всю

коленку отбил об нее.

А со всех сторон так сдавили, что руки из карманов вынуть невозможно. Если б я знал, я бы их туда не засовывал. И тут подходит моя очередь. Надо брать, а брать нечем. Но имею же я право хоть раз в сезон сходить в театр. Я зубами из грудного кармана вынул три рубля, прошу, дайте в зубы, у меня руки в карманах.

И мне дают в зубы. Кто — не знаю. Подозреваю, потерпевший. После этого дают в рот длинную палку вместо билета и выбрасывают из очереди на свободу. На свободе я рассмотрел эту палку. Написано, черенок французский...для совковой лопаты.

Скажу честно, я озверел. А тут этот потерпевший, тоже с черенком. Он на меня набросился, я не успел убрать черенок, и он своим лбом перебил мой черенок на две равные части. Экспертизу он снял.

Спрашивается, зачем же я стоял в очереди? За билетом в театр или чтобы вот так плохо кончить.

Там по недоразумению кто-то к автобусу рвался, кто-то за билетом в театр, а оно оказалось — за французскими черенками... для совковых лопат. Этот паршивый импорт продавали из автобуса возле театра. Так при чем здесь я?

■ ВЕРЮ!

Верю! Верю! Верю!

Я как родился, сразу во все поверил. В акушерку поверил, в медицину, в светлое будущее, в соску. Правда, потом мама сказала, в соску зря поверил. Туго было с сосками. Пальчик сосал. Но в соску верил!

Потом в садик пошел — в воспитательницу сразу поверил. Стихи учил: «за солнце, воздух и за зной спасибо партии родной!»

Правда, не знал, кто он такой есть — «партии родной», но верил. В школе в октябратское движение свято поверил. Твердо знал, что без нас, без тимуровцев, все пропадет. И колол дрова какому-то тунеядцу. И воду ему носил колодезную. Он опохмелялся ей и говорил:

— Спасибо, тимуровец. Хорошая смена растет.

В общественные науки сразу поверил. Фуфайка на мне была с чужого плеча, шапка — с чужого уха, но знал, что там за границей когда-нибудь все образуется.

Их политику кнута и пряника разоблачал. Помню, тогда как раз у нас пряники исчезли.

На уроках бойко отвечал: «Коммунизм — есть Советская власть плюс электрификация всей страны». И знал, что электрификация у нас уже везде есть! И дело — за немногим.

В снижение преступности, как в бога, верил. Хотя знал, что бога нет. Хулиганам объяснял, что их у нас нет. Они обидятся, помнут меня слегка и спрашивают:

— А теперь что скажешь?

— Вас у нас нет!

В школу — верил! Учительнице верил. Она сказала нам: «Сопляки!» И мы поверили. Да, мы — сопляки, а она — человек!

А когда сын у меня родился, сразу в него поверил. Сразу сказал, вот он и будет жить при светлом будущем. И дал ему соску. А он как закричит! Как заревет! И по глазам вижу — не верит. В святое не верит — в соску-пустышку. Выплевывает. Не в меня пацан.

Ладно. Повел его в садик. Он на садик смотрит угрюмо и молчит.

Я ему давай объяснять. Садик — это такая мощная организация. Видишь — все покушали. Видишь — все песенку спели. Видишь — все сходили по-маленькому.

Он говорит угрюмо: «А я не хочу».

Я говорю, как это ты не хочешь, все хотят и ты должен.

Он говорит:

— Не хочу, как все. Я по-большому хочу.

Ладно, уговорили его ходить в садик. Морщится, но ходит. Тут праздники наступили. Приходит из садика, говорит:

— Все должны принести по два флажка и по три шарика.

Я по магазинам заметался. Туда-сюда. Нет флажков и нет шариков. Ну, с шариком — ясно, надувательский товар, расхватали. А флажков-то почему нет? Что делать? Ведь сынишка такой недоверчивый растет. И ведь не поверил в праздник. Моло- дежинка такая мелкая, а подай ему флажки и шарики.

Потом привел его в школу. Первый раз в первый класс. Линейка. Директор торжественно говорит в микрофон:

Ребята! В школе вы научитесь всему. И когда вырастете, будете делать, к

примеру, вот такие...самолеты..

И показал на самолет над лесом. Самолет упал.

— ...Или вот такие дома...

Дом рухнул. Сразу скажу, там все обошлось. Жертв и разрушений не было.

Директор продолжает в микрофон:

- ...или вот такие...

Думает, на что бы еще показать. А рядом электростанция работает. Учителя в гурты жмутся. Родители детей под подол прячут. Директор сам дрожит, но показывает:

- ...вот такие... вот такие...вот такие...микрофоны.

Микрофон опухать начал. Уф, уф, уф. Тишина стояла жуткая.

И тут военрук закричал:

- Ложись!

Вся линейка залегла. Ждем, когда рванет, окапываемся.

Тут в микрофоне что-то щелкнуло, и он опал. Осечка. Пронесло. Директор поднялся с земли и в голый воздух крикнул:

- Поднять флаг школы!

И его подняли. Сантиметра на четыре. Дальше не шло. Заело,

Смотрю сыну в глаза — сомневается в чем-то, чертенок.

Ладно, думаю. Вот станет октябренокм развеселится.

Приняли его в октябрюта. Приходит. И с порога:

Не верю!

Ревет, слезами утирается.

- Не приняли, что ли? - - спрашиваю.

- Приняли. А звездочку не дали.

Говорю, да это я виноват. Не было их в продаже, звездочек. Не реви. Пойми, где же на всех звездочек напасешься, когда такое большое поголовье октябрют.

Говорю, когда я вступал, мы вообще сами звездочки делали. Из картона.

Материей обшивали. Таких звездочек понаделали, что у большинства—четырехугольные.

Но ведь верили!

Дадут тебе звездочку. Позже.

Вижу — не верит.

Ладно. Позвали врача. Лечить надо ребенка. Врач заходит и с порога ставит диагноз:

- ОРЗ!

Мой пацан как закричит:

— Не верю!

Врач осекся и говорит:

— В этом случае я бессилён. Требуется хирургическое вмешательство.

И вот сейчас я не знаю. Или ребенка лечить под действительность. Или действительность — под ребенка.

ПРОЧЬ СОМНЕНИЯ

Кто мне скажет, чего я хочу? Только конкретно. И на что могу рассчитывать? Кто скажет, почему беспокойство подкатывает? Нет, о завтрашнем дне я не беспокоюсь. Я о сегодняшнем думаю. Откуда во мне такая тревога? Неуловимая.

Еду в отпуск — беспокоюсь. А вдруг на обратную дорогу не хватит. Еду на работу — волнуюсь. Вдруг транспорт подведет, а не подвезет. Сижусь на работе — сомневаюсь. Хорошая у меня работа? Если хорошая, почему завидую людям смежных профессий? А если плохая, почему я на ней работаю? А где же еще работать? Перейти к людям смежных профессий? Ну, перешел. И что? Сейчас мечтаю о своей старой работе.

А почему я в магазине волнуюсь? Трепещу, как школьник перед экзаменом. Или перед девушкой. Или перед дефицитом? Хорошо, если не зря трепетал, если досталось. А когда досталось, почему сомневаюсь? Вот это свитер. Зачем я его купил? Может, он этих денег не стоит? А я купил. Я ведь не хотел. Но уже очередь подошла, и чек я отбил. Чек отбил — внутри как оборвалось что-то. И упало. Что там оборвалось? Я чек вернул и вышел на улицу. И опять сомнения за горло взяли. Вернулся в магазин, снова чек отбил. И опять засомневался. Брать — не брать. А девушка-продавец смеялась. Почему? Я назло ей свитер купил. Пусть смеется. Теперь кому бы его продать? Или уж самому донашивать? Кто посоветует? Кто подскажет?

Сажусь за стол, начинаю писать — сомнения терзают. Редактор внутренний кричит:

— Куда ты подлежащее ставишь? Сюда не положено. А сказуемое зачем выбросил? Без сказуемого не приму. И приставок ставь больше. Хотя бы три.

А цензор внутренний кричит:

— Это не то определение. С этим определением тебе знаешь что? Выбрось это определение, забудь его, выбери другое. Одно. Единственное. Но так, чтоб на всю жизнь.

Как прорваться сквозь эти сомнения, как сформулировать мысль? Бедная она, лежит где-то, несформулированная, и ждет своего часа.

А телефон все время отрывает, отрывает, сбивает с мысли. Вы меня к телефону не зовите, меня нет. Что это? Телефон? Подождите, не берите трубку, я сам возьму. Не берите, я иду. Хотя, нет. Возьмите трубку. Или мне взять? Опять сомнения. Как же прорваться сквозь них без посторонней помощи? А может, она нужна, эта помощь? Может, крикнуть «на помощь!» — и она придет. Нет, не буду звать, она и так придет. Вот она, уже подходит. Я ему говорю, мне не надо помощи, а он говорит надо, я знаю!

Он знает все и не сомневается. Он точно знает, что мне к телефону подходить не надо, жена подойдет. Он знает, что туда, туда и туда идти нельзя, сюда - можно. Он уверен, что в данный момент я хочу печенья, ровно сто пятьдесят граммов, больше нельзя. Он знает, что масла мне надо 330 граммов в месяц, а колбасы — 400. Он объяснит, что с курортом надо подождать, не все сразу. Вот она помощь. Он присядет — и я присяду, он встанет — и я встану, он хрюкнет — и я хрюкну. Я без сомнений хрюкну, так надо, он знает. Он молодец - и я молодец. Я уже не сомневаюсь. Мы молодцы. Спасибо за помощь. У меня нет сомнений.

Я люблю очереди и вне их себя не мыслю. Я — в очереди, значит, я существую. Другими словами — живу. А в очередях я всегда. Иногда обнаруживаю себя в них внезапно, неожиданно.

Был в филармонии, слушал музыку. Да так заслушался, так задумался, что очнулся в очереди.

Это за чем стоят?

- За дубленками.

А на нас хватит?

Хватит, здесь по номеркам выдают, вы в гардероб стоите после концерта.

Я под впечатлением концерта киваю машинально и наблюдаю автоматически, как передние товарищи получают дубленки и отходят. Во мне обычный азарт проснулся — хватит или не хватит на меня? Подходит моя очередь — выдают плащ. Возмущаюсь, как обычно в очередях:

- Почему плащ, там еще три дубленки остались.

— Это не для вас дубленки, проходите.

Я прошел. Все ясно, дубленки остались своим, а мне достался плащ.

Иду по улице, в голове музыка. Обнаруживаю себя на остановке троллейбуса. Очереди нет, но народу много. Троллейбусы останавливаются между остановками. Чтобы не создавать паники.

Попадаю домой. Здесь хорошо. Пусть нет очередей, зато есть жена. Она чувствует, что я пришел с хорошим аппетитом. Жена сразу накрывает стол одеялом и начинает на этом одеяле гладить свое платье. Приходится напомнить о

себе:

Когда будет ужин?

- Дойдет очередь — поужинаешь. Из всех моих мужей ты самый нетерпеливый.

Я у нее третий, но у меня такое ощущение, что за мной уже заняли.

На работе хорошо тоже. Здесь много очередей. На квартиру, на машину, на прием. В приемной секретарша спрашивает меня:

Вы по какому вопросу, товарищ?

По личному.

— Зайдите завтра.

Назавтра.

Вы по какому вопросу, товарищ?

По личному.

— Зайдите через месяц.

Через месяц.

Вы по какому вопросу, товарищ?

По личному.

— Зайдите через год.

— Нет, вы уж извините, я сейчас зайду, я хочу, извините, плюнуть на личный вопрос.

— Плюнуть, извините, можно, но в порядке общей очереди, по записи.

Записываем на следующий год.

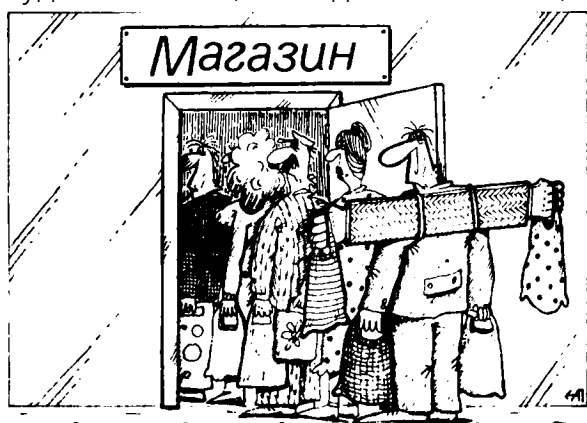
Нет, хорошо. Везде хорошо, где есть очереди. В пустыне верблюды идут караваном по очереди. В небе птицы летят клином по очереди. К врачу люди идут караваном по очереди. Он им диагноз ОРЗ ставит по очереди. А мне поставили другой диагноз: мания очередей. Где я с такой болезнью лечиться буду?

Конечно, можно подлечиться и без врачей. Например, уехать в отпуск, отдохнуть от этих очередей. И устать от тех. Особенно, если завтра на работу, а ты еще там, и ехать — четверо суток на трех видах транспорта. Здесь спасает только удостоверение. Особенно, если ты участник. И женщина. Тогда подходишь к кассе и читаешь объявление: «Чтобы не нервировать все очереди, для внеочередников работает касса № 9». Кассу находишь по длинному хвосту

внеочередников.

А если ты не женщина, а мужчина? А к женщине пристаёт хулиган на глазах у всей очереди? Причем эта очередь не к хулигану, а от него. К хулигану — свободно. Ни одного человека. Сможешь ли ты вот так, подойти к хулигану вне очереди? Или ты неуютно себя чувствуешь, когда нет очередей? Привык к очередям? Если привык, то создай очередь к хулигану. Пусть все на ладошках номера запишут, ночью на переключку придут, но чтобы хулигану от каждого досталось.

Уж если очереди, то пусть везде будут очереди. И туда, куда хочется, и туда, куда не хочется, но надо. Может быть, тогда исчезнут все очереди.

ХЕЛЛОУ, НЮРА!

АРБУЗНЫЙ СЫН

В общем, проснулся я на арбузной куче. Голова трещи г, как арбуз, раскалывается с похмелья. А я лежу на куче, отдыхаю. Нет, для меня это естественно, специфика работы такая. Зав. складом я на этих арбузах. А пить хочется, хоть кричи. Я беру самый большой арбуз, прижимаю к груди и глажу его по шкуре. Представляю, как я его сейчас съем. Ощущаю уже, как сок арбузный, сладкий, по губам, по рукам течет, а я ем взахлеб. Только так подумал - пальцами на шкуре арбузной щель нащупал. Гляжу одним глазом в щель...даже отшатнулся...из арбуза в щель на меня кто-то смотрит. Я от страха щель прикрыл ладошкой, а в нее изнутри чем-то ткнули, и голос раздался:

— Открывай, кому говорю! Вынимай быстрее!

Я ножом осторожно надрез сделал, а из арбуза опять:

— Не поцарапай, шалопай!

Тут арбуз сам развалился, как орех, и из него человек выкатился. На ножки вскочил и на меня уставился. Я на него. Не могу понять, кого он мне напоминает. Личико помятое и в арбузных семечках. И мне еще кричит:

— Ты откуда взялся?

— Эго ты откуда взялся, арбузный ты сын?

А он мне:

Ты сам, арбузный ты сын, посмотри на себя. Как я попал в эту чертову ягоду?

Я его — успокаивать. А он мне резко:

— Помолчи, давай лучше познакомимся. Я Иван Кулебякин, зав. складом, а ты кто?

Я ему говорю:

— Да каким ты зав. складом Иван Кулебякин, когда я Иван Кулебякин, зав. складом.

Но присмотрелся я к нему, точно, на меня похож, и одет так же. Только маленький.

Я снова ему говорю:

— Нет, давай разберемся. Что ты вчера на работе делал? Арбузы катал?

— Зачем катал? Гришу с днем рождения поздравлял, самогонку пил вот здесь, на арбузной куче.

Вы представляете? Ведь это я Гришу поздравлял, самогонку пил, вот здесь, на арбузной куче. И тут меня осенило. Слушай, говорю, а ты не помнишь, как Гриша рассказывал, что с самогонки люди до раздвоения личности допиваются?

— Помню, — отвечает и добавляет, — а я с ним спорил, что до чертиков напиваются, а до раздвоения — нет.

Вы знаете, и я так говорил. А Гриша спорил. Говорил, до чертиков люди с водки напиваются, а с самогонки — до раздвоения. Выходит, на самом деле мы с этим арбузным сыном раздвоились. Решил я взвешиванием версию проверить. Говорю карапузу, давай-ка я тебя взвесю. Беру безмен пружинный, подцепляю крючком за курточку и поднимаю его над полом. Пружина скрипнула, безмен показал 16 килограммов. Он висит, ногами болтает. Потом я сам взвесился на больших весах. Оказалось — 50 килограммов. А ведь вчера я 66 весил. Значит,

точно. Раздвоился я. И это мои 16 килограммов, мой пуд стоит передо мной и глазами моргает. А как я раздвоился — не помню. Разве по пьянке уследишь, когда раздвояешься.

А этот арбузный сын смотрит на меня зло и говорит:

— Врешь ты все. У меня жену Варей зовут, а у тебя как?

Я опешил:

— И у меня Варей.

Он кулаки сжал и на меня пошел. Чувствую — мой характер. За мою же Варю сейчас мне синяков наставит. А я трухнул что-то. Видать, моя злость в него перешла. Стал его успокаивать:

— Да подожди ты, успокойся. Надо придумать, как из положения выходить, а не кулаками махать. Все равно ведь она ни тебя, ни меня в таком усеченном виде не примет. Мы оптом должны предстать перед ней, а не в розницу.

В общем, решили мы с моим пудом идти к Варе, объясняться. Взялись за руки — и к ней, к нашей суженой двинулись. Думаем, объясним, что так и так, в сумме мы есть ее муж Иван Кулебякин. Она женщина умная, должна понять. Заходим в подъезд, звоним в дверь и ждем. За руки держимся.

Открывается дверь, появляется Варя. Головой так долго трясет. Мы друг друга держим, чтоб к ней не броситься, и говорим:

— Мы твой муж, Варенька.

А она:

— Нет, вы не мой муж. У меня муж большой и пьяный. А вы — маленькие и трезвые.

И дверь захлопнулась.

Пошли мы к одному профессору по этой части. В шестом ЖЭКе работает. Он посоветовал соком лечиться. Двойник мой за соком сейчас побежал. Должен скоро вернуться...Что-то долго нет...Скоро вернется...Слушайте, а может, он не за соком пошел? Может, он домой без меня побежал...Ну, не-е-ет!

ХЭЛЛОУ, НЮРА!

Але, Нюра. Я уже в Вене. Нам сказали, это австралийская столица. А, да — австрийская. Я их все время путаю: Австрию и Австралию...и Алжир. Как зачем

звоню? Я же скучаю. Я уже три раза скучал. И два раза пожалел, что поехал по этой путевке. Нюра, у меня одно впечатление накопилось. В Вене тоже асфальт. Но он, оказывается, гладкий. Нет, второго впечатления не накопилось. Ну все, пока. Я тебе из Стокгольма позвоню.

...Хэллоу, Нюра, я из Стокгольма. Нам сказали, что это швейцарская столица. А, да — шведская. Я их все время путаю: Швецию и Швейцарию...и Алжир. Тут одни шведы. Да, как под Полтавой. Но они все развязные и питаются таблетками. Наркотики называются. Не, не вкусные. Наш огурец лучше. Ну, пока, я тебе из Копенгагена позвоню.

..Хэллоу, Нюра. Я из Копенгагена. Нюра, я тут токсикоманом стал. Хожу в их гастроном, колбасный копченый дух нюхаю и балдею. Ну, пока, я тебе из Чехословакии позвоню.

...Але, Нюра, я из Чехословакии. Тут одни чехословаки. И говорят по-чехословацки. Но все понятно. Вот, например, фамилия Поспишил — это значит — поспешил. У них даже пословица есть: «Поспешишь — людей насмешишь». Ну, пока, я из Африки позвоню.

...Але, Нюра, я — из Марокко. Ну, с этим Марокко — одна морока. Здесь профсоюзные взносы тоже силой из зарплаты вычитают. Но берут кокосами. С носу — по кокосу.

Обезьяну? Видел. Жрет апельсины. А на нас поплеывает. Ананас? Ананас пожевывает. А на нас поплеывает. Ты не зна- ешь, что такое апельсины? Они, как хоккейные мячи. Но вкуснее. Нюра, а тут еще растут вечно зеленые эти...да не сугробы, а лимоны. Сугробы тут не растут, не могут. Жара. Хотут, но не мо-

гут. А эти лимоны: хочут - растут, не хочут — не растут. Чё хотят. то и делают. А кислые! Тьфу. Хорошо, что у нас вместо лимонов — грибы. Ну пока, я тебе из Манилы позвоню.

..Але, Нюра, я — из Манилы. Тут одни филиппинки. Такие малесенькие. Меньше нашего петуха.

Нюра, ты плачешь?..Да никакая филиппинка меня не сманила. Я звоню с Манилы. А завтра из Америки позвоню. Пока

...Але, Нюра! Я из Америки. Чё-то она мне не очень. Сами-то они хвастают: у нас все есть, у нас все есть. А где там? Я походил, посмотрел, даже самогона нету. Пьют какую-то, наверное, гадость. Виски и мартини.

Ну пока, я тебе из откудова-нибудь позвоню.

...Але, Нюра, я вернулся. Ну, здесь, рядом, от зятя Степана звоню. Нюра, ты не обижайся, я вообще никуда не ездил. Я путевку сдал и на эти деньги мы со Степаном отдыхали Где? А у него на кухне. У нас деньги кончились, и вот я вернулся.

Нюра, мы сейчас возьмем троллейбус и подъедем. Ты купи чего-нибудь за встречу. Я так по тебе соскучился.

■ ВОЗВРАЩАЙСЯ

(Плач-романс начинающего инженера с окладом 120 р.)

Говорят, когда у человека горе, он поэтом становится. Я чувствую, тоже поэтом становлюсь. Значит, какое-то горе у меня есть. Сегодня с утра вспоминал, вспоминал и вспомнил, от меня жена, оказывается, уехала, к своей маме, значит горе. А раз горе — надо стишок написать. С утра сел, написал. Хочу с вами поделиться. Стихотворение почему-то получилось в прозе. Называется «Возвращайся».

Зачем ты опять уехала к маме? Возвращайся ко мне, я сделаю тебя счастливой. Я подарю тебе сберкнижку. Я положил бы на нее миллион, но там только рубль. Зато он последний.

Возвращайся. Я подарю тебе добротное платье. Ты будешь блистать в нем на производстве.

Возвращайся. Я поведу тебя в ресторан, где много музыки, шампанского, добрых и веселых людей. Мы постоим там возле двери и ходим в кино.

Возвращайся. Я повезу тебя в круиз. Мы сядем в белоснежный теплоход и

незаметно возьмем курс. А потом незаметно приедем обратно. Только бы дотянуть до аванса.

Возвращайся. Я куплю тебе интересную книгу и килограмм колбасы. Ты сможешь всю ночь читать лежа и есть лежа колбасу. А я буду любоваться тобой и спрашивать, что там пишут новенького?

Возвращайся. Я осеребрю, озолочу, обрильянчу тебя хлопчатобумажными чулками. В них будет так тепло, что ты забудешь про все украшения.

Возвращайся. Я воспитаю в себе настоящего кормильца семьи, покормлю его и выпущу на работу. Пусть тоже зарабатывает на хлеб, как и я.

Возвращайся. Я на три дня лишу тебя воды и пищи. А потом на сэкономленные средства куплю пива и креветок. Когда ты сядешь за стол, ты познаешь со мной счастье.

Возвращайся. Нас ждут встречи с интересными людьми. Мы будем ходить в гости к соседям, а они к нам. Мы будем просить у них займы, а они — у нас. А потом мы вместе займем у кого-нибудь. Это и будет счастье.

Возвращайся. Я устрою нашу дочь в детский садик. У тебя появится немного свободного времени. И ты сможешь, наконец, сесть за шитье и мытье.

Возвращайся. Я буду помогать тебе по хозяйству, участвовать в воспитании детей и ходить по магазинам. Только мне придется бросить работу.

Возвращайся. Я буду следить за собой и ухаживать за тобой. Буду дарить тебе подарки. Только тебе придется устроиться на две работы.

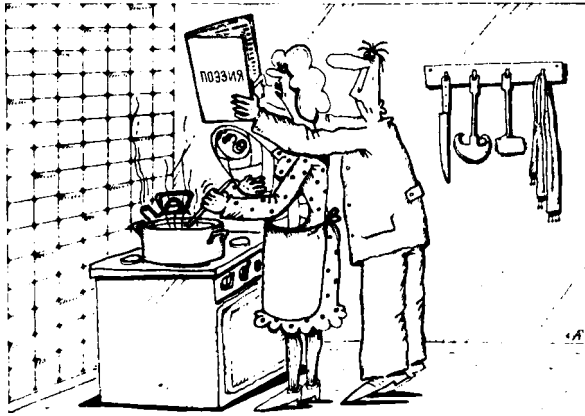
Я займу пять рублей и отобью тебе телеграмму с такими словами:

«Возвращайся, я сделаю тебя счастливой». Сэкономлю на

предлогах и запятых и куплю тебе сапоги. Ведь тебе же нужны платье и шапка.

Возвращайся. Я сам заварю тебе чай и накормлю тебя вареньем. Мы будем сидеть на кухне, пить чай и мечтать, как ты уедешь от меня обратно к маме и все опять смогут прокормиться.

Возвращайся. Я сделаю тебя счастливой. А если ты не приедешь, я не буду платить за электричество и приеду сам. И буду делать тебя счастливой по месту жительства.

СИГНАЛЫ ТОЧНОГО ВРЕМЕНИ (монолог деловой женщины)

Это сколько сейчас проникло? Пик, пик, пик. Семь утра? Не пора ли замуж? Нет, некогда, надо бежать. Что у меня сегодня, лекция или профком? Кажется, лекция.

...Здравствуйте, товарищи жильцы. Вы не жильцы? А кто вы? Понятно. Здравствуйте, товарищи студенты, а не жильцы. Тему лекции все помнят? Правильно, стирание граней между умственным и физическим, между городом и деревней, между мужчиной и женщиной. Начнем с последнего. Женщина у нас играет огромную роль. Иногда непосильную, но играет. Работа, лекции, женсовет, диспуты. Всем понятно? То есть ей некогда. Как сейчас мне. Поэтому до свидания, мне на женсовет.

...Товарищи женщины, мы тут с вами одни, поговорим откровенно. Тема доклада «Женщины и механизмы». Так вот, знаете ли вы, что делают женщины, а что механизмы? К примеру, на асфальтовом заводе? Объясняю. Женщины делают все. А механизмы? Правильно, стоят на ремонте. Это сколько пропикало? Надо бежать. Ответы — в конце.

...Так, есть предложение начать диспут. Мы проведем с вами вечер вопросов и...вопросов. Я прочитаю поступившие записки, ответы в конце.

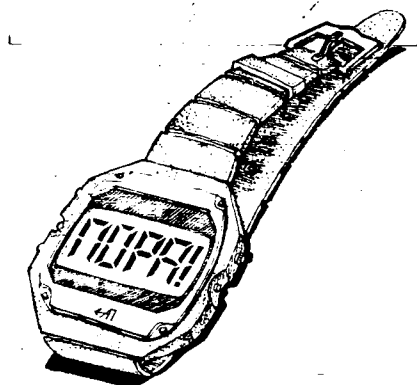
«Кого считать настоящим мужчиной: кто с тремя цветочками под часами, или с тремя чемоданами цветов на базаре?»

«Если муж получает больше жены, по меньше мамы, не лучше ли жить с мамой?»

«Если мама курит, а папа пьет, можно ли брать пример со старшей сестры?»

Она делает и то, и другое, и третье».

Следующий вопрос...Что это? Уже пропикало, надо бежать.

...Я бегу и слышу сигналы точного времени. Сколько эго? Тридцать, сорок? Недавно было восемнадцать. А не пора ли?... Давно пора. Но как? Женщины мечтают о самом настоящем, а надеяться приходится на будущее. Мужчины спрашивают у женщин через газету: «Где ты, о женственность?» Женщины отвечают им через газету: «Она должна быть. Она где-то только что была».

А ведь женственность есть в каждой женщине. Только она спит. А просыпается, когда рядом появляется тот единственный и настоящий.

Мы пойдем с ним по улицам. И пусть вечером нас застанет майский дождь. Это первый дождик в этом году. Так не держи ты зонтик над моей головой. Убери его. А еще лучше выбрось в кусты. Выбрось зонтик и подари мне дождь. Стань мгновенно сумасшедшим.

А утром приди рано и скажи:

- А я уже здесь, не могу без тебя.

И тогда я отвечу:

- Нет, некогда, надо бежать!

ТЫ НЕ ЛАСКОВ СО МНОЙ

-

Здравствуй, жена. Меня теряли?

- Не очень.

- А ты меня ожидала?

- Не очень.

- Все-таки хороню дома, но непонятно. Непонятно, над чем работать, с чем бороться.

- Тебе бы только с чем-то бороться. Превращаешь семью в производственное подразделение.

Катя, не ругайся. Я с собрания. Нам нам все объяснили. Я не ругаюсь. Это сосед поет.

Пусть поет. Сейчас не это главное. Главное, поднять семейную дисциплину. Не должна она отставать от производственной. Кстати, ты мое возвращение домой отметила?

Где?

В книге приходов-уходов из дома - домой.

Нет еще.

- Обязательно отметить. Кстати, ты сама во сколько пришла В шесть.

А отметила в книге?

Отметила.

(Муж берет книгу, смотрит)

Почему ты поставила в семь?

Ну, какая разница?

Катя, ты недопонимаешь. Это очень важно. Как же иначе

49

я буду тебя контролировать? Как мы будем улучшать семейные отношения?

Значит, ставим — в шесть. А сейчас восемь. Какую работу ты провела за 2 часа?

— Приготовила ужин.

— Катя, ты молодец. Дай чистую бумагу и карандаш, я выпишу тебе благодарность. Кстати, где твоя вчерашняя благодарность?

— Я ее потеряла.

— Это нехорошо... Ну, ладно, выпишу тебе дубликат. (Выписывает благодарность). Вот тебе благодарность и получи поощре- ние в виде поцелуя. (Чмокает Катю в щеку. Она вытирает щеку полотенцем). Это первый поцелуй, запланированный на вечер.

— Пантелей, ты не ласков со мной.

— Ты обижаешь меня, Катя. Вчера я израсходовал на тебя четыре ласки. У меня вот тут зафиксировано. (Достаёт из папки бумагу, показывает Кате). Видишь? Четыре ласки. Это на две ласки больше, чем за тот же период прошлого года.

— Я не хочу запланированные ласки. Я хочу порывы.

— Ты что, Катя?! Какие порывы? Кто тебя научил? Из-за этих порывов гибнут целые семьи. Где у нас план работы на сегодняшний вечер?... (достаёт из папки план). Так, мы утвердили его вчера. Пункт первый: приход с работы — есть, поцелуй — есть. Да, я должен объявить тебе выговор.

— За что?

— Анонимка на тебя получена. Мной.

— И что в анонимке?

— Могу зачитать (достаёт из папки анонимку). «На протяжении трех лет я имею честь работать с вашей женой в одном учреждении. Все это время я наблюдаю за ее поведением и замечаю в нем отрицательные моменты. Мной отмечены факты злоупотребления вашей женой своей фигурой, лицом, голосом и, что самое опасное — своими ножками. Она ходит, улыбается, говорит, и это беспокоит и тревожит мужскую половину. Примите меры. Старший доброжелатель управления».

— Значит, будет скандал?

— Или два, но завтра.

— Из-за того, что у меня есть лицо, руки, ноги?

— Нет, это мелочи, хотя действительно, они у тебя есть. Просто назавтра у нас запланирован скандал. Рядовой, текущий скандал без рукоприкладства. Мы не будем ругаться из-за мелочей, а поскандалим о чем-нибудь большом и хорошем.

— Например, о том, что ты не помогаешь мне физически.

— Давай внесем в план, буду помогать.

— Иди постирай.

— Это умственно. Физически — наколоть дров, принести воды.

- У нас квартира со всеми удобствами.

Значит, физически тебе помогает государство.

- Нет, мама была права. Она говорила, что заводить и держать мужа это не каждой по силам.

— А как же? Даже корове и то надо настроение создать, чтобы она молока больше давала.

А от тебя какое молоко? Для чего я тебя держу?

Бескорыстно, да?

Безвозмездно, да! Даже, если тебя сдать, за тебя талон на книгу не дадут.

- Катя, мне плохо. Назревает незапланированный скандал. Срывается завтрашнее мероприятие. Дай мне воды из-под крана.

А из-под чайника не хочешь?

- Давай из-под чайника.

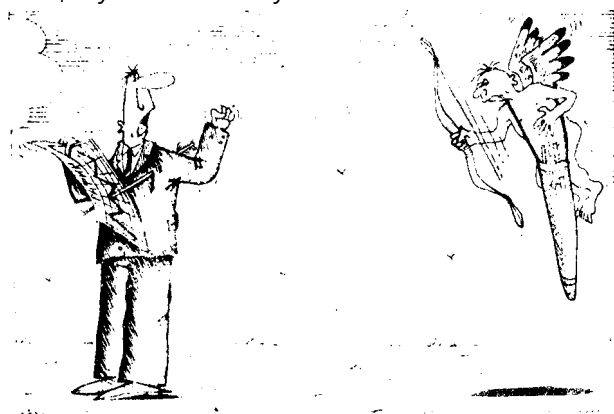
Сам сходи на кухню

Катя, я схожу, но ты нарушаешь дисциплину. Ты хотела затеять сегодня завтрашний скандал...А сегодня? Ты же не выполнила важное мероприятие, но провела беседу с котом Васькой на воспитательную тему. Где он? Он опять ушел на двор и шляется по подъездам. Его воспитывает улица. Что из него будет? Ведь ему еще нет двух лет, а он уже не ночует дома. Ты думала об этом? Вот чем чревато невыполнение намеченного плана.

- Мне надоела такая семейная жизнь. Планируй на работе, а дома — не смей. Я уйду от тебя.

Нет. Катя, не уходи. Мы больше не будем планировать. Я

обещаю тебе. Только как же укреплять семью? Ну, ладно, дай я тебя поцелую. (Целует плачущую Катю и ставит в журнал галочку. Так, есть второй поцелуй. Успокойся, Катя, я не буду планировать, мы будем жить хорошо. Сегодня такой чудесный день. И впереди у нас еще целый поцелуй...По плану.

■ ПЕРЕДАЧКА

Трое мужчин-гинекологов беседуют. Один прервал беседу:
— Ну что мы все о работе да о работе?
Давайте поговорим о женщинах.

Роддом! Цитадель материнства! Выходят молодые мамы со свертками-кульками и передают их молодым папам. А в кульках - люди. Маленькие людишки. Но, может быть, потом кто-нибудь из них великим будет. Как Пушкин. Ведь его когда-то так же выносили. Как рядового младенца. А сейчас он как вымахал?! И продолжает расти. На фоне остальных.

В этот роддом я хожу. Уже третий день. Дочка у меня там. Должна родиться. Но родится назло мне сын. Это я знаю и учитываю. И специально хочу дочку, чтобы назло мне родился сын. Когда он родится, то все будет так, как я хочу.

И вот сегодня свершилось. Бегу в справочное и спрашиваю у пожилой женщины в халате:

— Кто?

— А вам кого надо?

— Дочку, — говорю специально, чтобы назло мне сказали «А у вас сын».

— А у вас дочка и родилась.

— Не может быть! Назло мне сын должен был родиться.

— Не-ет. Зачем назло? Вот тут написано: девочка, вес — три двести. Три килограмма двести граммов девочки.

— А рост какой у моей девочки?

— Что-й?

— Длина, говорю, высота какая?

— А-а...53 сантиметра.

— Ух ты! Какая длиннющая! Это в кого это она такая Джомолунгма?

Пять-де-сят три сантиметра. Над уровнем моря. Интересно. Я в ее годы 52 сантиметра был, а жена — 51. Странно.

Ну да ладно. Пошел я домой. Сосед мой, как узнал, что свершилось, закричал «Ура!» от радости. Ну, наконец-то, говорит, а то я уж измаялся. Третий день, как на иголках. Какой вес девочки-то?

— Три двести.

— Вот. Давай. Три по двести. Хорошо. Хороший вес. Больше и не надо, а то завтра на работу.

На следующий день после работы пошел я в роддом на свидание с Нюрой. Оказывается, лежит она в 906 палате. Это высоко, девятый этаж. Мне сказали, что

с женой можно пообщаться или по телефону, или через окно с улицы. Но если я ей по телефону из справочного звякну, это ж будет официальщина. «Алло, вы меня слышите?» «Нет, не слышу». «И я вас не слышу. До свидания». Нет, надо через окно попробовать пообщаться, так сказать, тет-а-тет. Подхожу я к окнам — мать честная! Там народу, как на демонстрации. И все кричат в эфир свое, сокровенное. Как же мне Нюру-то вызвать, чтоб она в окно выглянула? «А ты камушек в окно брось, она и выглянет», — посоветовал мне маленький мужичок. Нашел я камешек и бросил ввысь. Однако высоко окно, промазал я. А попал в окно 907-й палаты. Да и то не повезло. Разбил я окошко-то. В пробоину сразу высунулась чья-то счастливая разгневанная мать и гаркнула вниз:

— Кто хулиганит?!

Меня на свободный пяточок вытолкнули, сами расступились и пальцем показывают: «Вот он».

Счастливая мать сверху спрашивает:

— Ты что, очумел?

— Да не очумел, а Нюру мне из 906-й палаты надо. Позовите, пожалуйста, чтоб она выглянула.

— Счас. А окошки-то зачем бить?

Скоро выглянула Нюра. Я кричу:

— Ню-ра!

Она не видит и не слышит. Высоко. Народу много Я еще громче:

— Ню-ра! — и руками размахиваю.

Она, наконец, заметила.

— Кто у нас? — кричу так, для разговора.

— Мальчик.

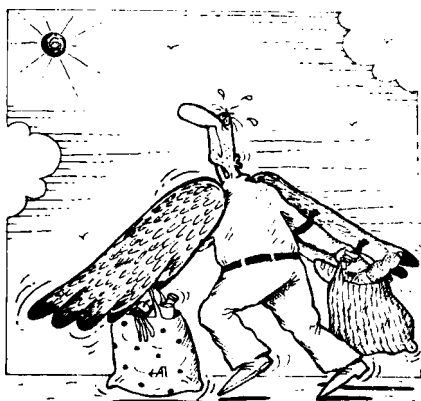
— Какой мальчик? Ведь у нас девочка.

— Хорошенький. Восемь двести. Ростом — метр.

— Нюра, что с тобой? Не надо!

— Что не надо, Виктор?

— Какой Виктор? Я же Валерка твой. Нюра, что с тобой? Ты меня не узнаешь после родов?

Наконец, я разобрался, что не моя это Нюра. Ну разве определишь на такой высоте, где чья Нюра?

— Нюра! Ты мне Нюру позови. Мою. У которой девочка.

Наконец, высунулась моя Нюра. Покричали мы с ней, поговорили, пошептались, пошушукались. Но слышимость неважная. Тяжело беседовать в такой крикливой обстановке. Я решил за канчивать. Крикнул ей:

— Передачу принимай!

Она опустила мне бельевую веревку. Я привязал к веревке рюкзак с продуктами, и она потащила его наверх.

Вы спросите, а почему не через окошечко в справочном? От- вечу. Там не все принимают. Часы не принимают. Книги и колба су не принимают. А Нюра моя без книг и колбасы не может. Не живет.

Я стою и смотрю, как она передачку тащит. Вдруг на четвер- том этаже распаивается окно, высовывается солидная женщина в белом халате и хватает руками рюкзак мой. Я кричу: «Нюра, тяни! А вы, тетенька, отцепитесь, это не вам передачка». Ну думаю, себе же заберег и съест. По санитарка эта будто и не слышит меня. Вцепилась в мешок и кричит: «Нельзя так передачи передавать. Это незаконно!» А что это значит — незаконно? У нас что, постановление Верховного Совета по этом^W вопросу было? Не было. Значит, все законно.

- Нюра. тяни!

Я смотрю, Нюре уже другие женщины помогают. Тянут дружно. И вытянули санитарку из окна. А она за рюкзак держится, болтается на ветру и кричит: «Нельзя!» Под окнами посетители стали скандировать: «Раз, два взяли! Еще взяли!» А женщины во главе с Нюрой дружно тянут. Уже до шестого этажа ту. солидную в халате, дотянули. А она все кричит: «Нельзя!»

Но смекаю я, дело жертвами пахнет. Быстро скинул с себя пиджачок и

мужикам говорю: «Держись по окружности пиджака. Ловить будем санитарку». Как пожарные, натянули мы пиджак и этой голосим: «Отпускайтесь, мы вас в пиджак поймаем!» А она хоть и продолжает грубить «Нельзя, нельзя», а на пиджачок стала все-таки прицеливаться. Мы внизу приготовились, взялись покрепче...и пиджачок-то мой треснул. По швам. Мы в разные стороны рассыпались. У меня в руках только карман от пиджачка остался. Левый. В нем деньги. Я этот карман быстро в карман брюк засунул и смотрю вверх. Там, видимо, еще под-мога подоспела. Втащили они все же мою передачку. Уж так я переживал за нее. И эту, в халате, тоже втащили. Она прямо из окна всем спасибо сказала, за поддержку. И женщин там наверху громко благодарила. И искренне. Даже передачку у Нюры забыла изъять. Значит, сегодня на ночь Нюра обеспечена про дуктами. Там в рюкзаке бидон молока, булка хлеба и палка колбасы. И девочке моей, малютке, баночка литровая со снedyю Я пельмени ей сварил. Из редьки. Они вкуснее, ретешные-то.

САДИК

(На площадке возле садика гуляет группа детей с воспитателем Ниной Петровной. Приходит папа за Толиком).

Здравствуйте, Нина Петровна! Гуляете с группой на улице? Да, сегодня денек чудесный, зимний, морозный. Вот они как носятся! Как саранча. А где мой сорванец, гаврик, клоун носится? Что-то не вижу.

Как — вот этот?! Этот?!!! Мальчик, ты чьих будешь? Как — мой? Толик, что с тобой? Почему ты стоишь, как столбик? Почему ты не носишься, как все, и не поедает снег, как саранча? Почему не ты, а другой мальчик толкает девочку с горки?

Почему не ты плывешь по сугробу крупными саженками, делая выдохи строго в снег?

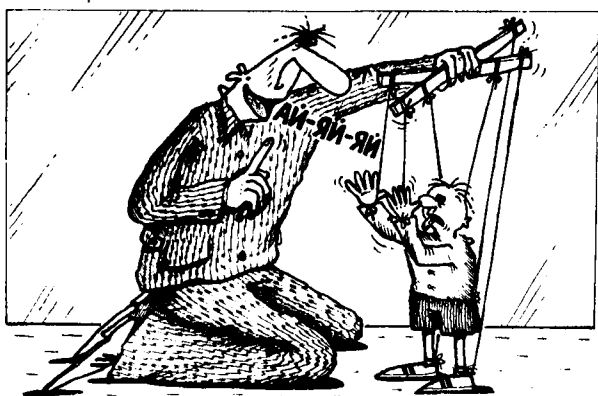
Почему не ты запустил снежок в Нину Петровну?

И почему не тебя привязали за это к дереву?

Ведь не ты будешь снится сегодня Нине Петровне ночью. Не от тебя проснется она в холодном поту, и не в твою честь разбудит она весь дом жутким криком.

Что с тобой, сын мой? Я слушаю тебя. Хотя молчи, я уже вижу. Ты одевался на прогулку сам. О, господи, почему он одевался на прогулку сам? Ведь шапка надета на нем куполом книзу, а завязками кверху. А майка надета поверх пальто. А на майке — чей-то орден Славы Трудовой степени. На руках его вместо варежек — носки, а на валенках — варежки.

Толик, но если майка поверх пальто, в чем же ты спал днем? Понимаю, трусики сохли, ты спал в пальто. А почему ты стоишь столбиком и падаешь при первом же шаге? А, уже вижу. Ты вдел обе ноги в одну штанину. А другая болтается на ветру, как после боя. Потому ты и стоишь, как столбик с надписью «осторожно — кабель». Как же ты вышел на улицу? Хотя понимаю. Ты приполз

на прогулку на одних руках. Ты герой, Толик. Я напишу о тебе рассказ. Нет, лучше повесть. Она будет называться «Повесть о настоящем человечке». Не возражай, Толик! Хотя подожди, действительно, на руках ты сюда прийти не мог. Ведь они зафиксированы у тебя в разные стороны, как у чучела. Не объясняй, уже вижу. Ты нес на прогулку лопатку и вдел черенок в оба рукава пальто. Тогда совсем непонятно, как ты попал на улицу? Хотя ясно, тебя принесли твои друзья. Вон они, дерутся между собой возле горки, надежные верные товарищи. Я даже знаю их по кличкам: Жиган, Гусь и Сыроежка. Держись за них в жизни, Толик. Они помогут. Только скажи им, чтобы они никогда не мешали нашей Нине Петровне. Она необыкновенный человек. Видишь, как она совершенствует себя и увлеченно читает «Педагогическую поэму» Макаренко.

Ты кушал сегодня, Толик?

Молодец, кушать надо, а то всю жизнь будешь стоять чучелом. Давай-ка, я выну из тебя лопатку, и покажи мне, что у тебя в кармашках, чтобы не унести лишнего. Вынимай все из кармашков рубашки. Вынул? Так. Значит, вы кушали сегодня суп с мясом. Теперь вынимай все из кармашков кофточки. Вынул. Так:

Значит, на завтрак была каша. А ну, дай лизну. У какая вкуснятина. Теперь вытряси все из рукавов. Попрыгай, оно выпадет. Видишь, выпало. Теперь возьми эту тушеную капусту с вареньем и зарой в снег. Собачки скушают. Запомни, Толик, кушать нужно в себя, а не в кармашки. И запомни, пет такого слова - не хочу, есть слово - надо.

Теперь скажи мне, кто у вас сегодня няня? Хотя не говори, сейчас узнаю сам. Дай мне документы. Вынь из носка с руки документы и дай мне. Так, это кошелек вашей няни, Ирины Родионовны. Понимаю, ты опять случайно нашел его на полу. Гак, в кошельке пять рублей и заявление об уходе. Пойдем, отдадим все вашей Ирине Родионовне. Ах, да ты сам не можешь. Ну, хорошо, я возьму тебя под мышку и унесу.

До свидания, Нина Петровна! Спасибо! Как это — не за что? Не прибудняйтесь. Спасибо. До свидания.

■ НАЧИНАЮЩИЙ САТИРИК

Мы ехали с Толиком на поезде к бабушке. Толик сидел на моих коленях и внимательно осматривал попутчиков в куне. На противоположном сидении плотно друг к другу уместились четыре пассажира. Толик долго смотрел на пожилую даму с максимальным слоем косметики на лице и вдруг громко спросил: Почему тетенька такая старенькая?

Женщина от неожиданности подпрыгнула и вскрикнула.

Мне пришлось извиниться перед ней, а Толику я сказал:

- Ты лучше в окно смотри, там очень интересно.

Толик даже не взглянул в окно, а перевел взгляд на пожилого военного в офицерской форме. Он оглядел офицера с ног до головы и спросил:

Папа, это солдат?

— Офицер, — ответил я.

Толик опять спросил.

— А это наш солдат, не вражеский?

— Наш, — ответил я.

— Почему у него звездочка на погоне такая маленькая?

Все посмотрели на одинокую звездочку на погоне немолодого военного, и он

неестественно улыбнулся.

Я сказал Толику:

Посмотри в окно, там лошадка пасется.

Толик взглянул и сразу обнаружил в ней изъян:

— Это плохая лошадка. Она тощая и ножки у нее связаны.

Он отвернулся от окна и стал внимательно рассматривать следующего пассажира, вернее, пассажирку — крупную женщину атлетического телосложения. Она попыталась по-свойски улыбнуться Толику, но улыбку, как ветер, сдул очередной вопрос:

Почему тетя такая здоровенная?

Все посмотрели на тетю, и она покраснела и съежилась так, что даже уменьшилась в размерах.

Я вновь постарался отвлечь Толика:

— Посмотри, вон коровка пасется. Видишь, бабушка ее пасет.

Толик посмотрел в окно и сразу зафиксировал недостатки:

— Коровка почему-то без рогов, а бабушка хромает.

Он опять переключился на изучение большой тети и сказал:

— А я знаю, почему тетя такая здоровенная. Она кашу ела и переела.

На эти слова хихикнул сосед большой тети — маленький дядя. Этим он привлек внимание Толика, который сразу вонзил в дядю свой немигающий взгляд. Дядя поерзал под взглядом, расправил плечи и вытянул шею. Но все равно он оставался на полголовы ниже своей крупной соседки. Тогда дядя незаметно переложил свой портфель с коленей под себя, чтобы показаться выше.

Толик сразу спросил:

— А почему дядя сумку под попку подложил?

Все посмотрели на дядю, и он быстро переложил портфель обратно на колени.

Я делал отчаянные попытки отвлечь Толика:

— Смотри, смотри, вон машинка едет.

Толик посмотрел и сказал:

Это плохая машинка, у нее фара разбита.

Он снова сосредоточился на дяде с портфелем и, наконец, спросил:

— А почему дядя такой маленький?

И тут же сам ответил:

— Я знаю, почему. Он в садике кашу не кушал, а складывал в кармашки.

На эту реплику громко захохотал мой сосед с неестественно красным носом.

Толик моментально повернулся к нему и принялся изучать его физиономию.

Мой сосед заерзал на месте, сделал глупое лицо и панибратски показал Толику козу. Видя, что эта уловка не помогла, и Толик продолжает изучать его нос, сосед оттопырил свои уши и хрюкнул. У Толика на лице не дрогнул ни один мускул.

Тогда дядя как можно дружелюбнее сказал, заигрывая пальчиком:

— У-тю-тю-тю, какой хороший мальчик! Как тебя зовут?

Толик ответил очень серьезно:

— Дядя, почему у тебя нос такой красный?

На этот вопрос прыснул смехом сосед красноногого дяди — пассажир с обаятельной лысиной во всю голову. Толик быстро соскочил с моих колен и подошел к нему вплотную, лицом к лицу. Он прищурился и начал осматривать голову пассажира со всех сторон. Тот моментально посерьезнел и сказал, заикаясь:

— Мальчик, мальчик, ты чего? Беги, гуляй.

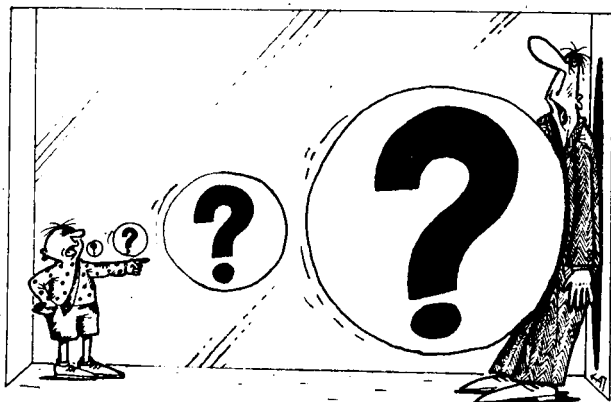
Дядя суетливо нашарил шляпу на сидении, надел ее на голову и затих под немигающим взглядом Толика.

Все остальные, то есть старенькая тетенька, солдат со звездочкой, большая тетька, маленький дядя и красноносый замерли в предвкушении очередного вопроса Толика.

Но человек в шляпе, пытаясь уйти от вопроса, сказал:

— Пожалуй, пойду в коридор, проветрюсь.

Большая тетька остановила его решительным жестом:

Не стоит. Лучше мы здесь окно откроем.

И она открыла окно.

Толик стоял и смотрел в упор на человека в шляпе. Тот не выдержал взгляда и опять сказал:

— Нет, все-таки я пойду выйду.

На это большая тетя категорически возразила:

- Нет уж. Посидите, пожалуйста. Вы тут один неопрошенным остались. Пусть мальчик спросит у вас, почему, например, вы надели шляпу.

— А я знаю! - весело крикнул Толик, дядя надел шляпу, чтобы у него вторая попка не замерзла!

Я поднялся и сказал:

Хватит, Толик, пошли в коридор.

Через пять минут из купе выглянула большая тетя и сказала: Мы тут посоветовались и решили пригласить вас обратно. Мальчик уж все о нас рассказал, так что терять нам нечего.

Мы вернулись в купе. Как только Толик устроился у меня на коленях, он громко объявил:

А вчера мама наша нашла в холодильнике деньги. Их папа туда спрятал.

Я понял, что вся наша личная жизнь сейчас всплывет наружу, поэтому дернулся к выходу.

Но меня не отпустили.

БАБУШКА ОТОВАРИЛАСЬ (рассказ ребенка)

Больше всего на свете я люблю мороженое, потом - папу и сразу после папы - отовариваться.

В нашей семье отовариваться может только бабушка. Потому что она участница войны. Дедушка у нас тоже участник, но отовариваться он не может. Он же не женщина и не инвалид, поэтому ему и так весело, без отоваривания.

А мне дедушку жалко. Я ведь вижу, что он тоже хочет и даже ходит хлопочет об инвалидности. Когда он ее схлопочет, то тоже будет отовариваться.

Отовариваться мы всегда ездим втроем: я, бабушка и папа. Бабушка — чтобы отовариваться, папа - чтобы нести товар, а я — чтобы еще интересней было.

Сегодня мы опять ездили. Папу сначала не пускали в магазин. Сказали:

— А вы куда, молодой человек?

Папа начал хромать и заикаться:

- Да я просто...Сумки...нести.

Тогда его пропустили.

Когда мы зашли, папа сказал, что здесь, как за границей — народу мало, а продавцов много. И что продавцы здесь вежливые и безобидные, потому что не хотят, чтобы их в другой магазин перевели. Бабушка шепнула папе:

— Тише, а то услышат.

На войне она в разведку ходила, поэтому всего боится.

Когда тетя-продавец начала отвешивать масло, мясо, сосиски, бабушка так разволновалась, что потеряла кошелек. А когда нам дали коробку конфет, я так разволновался, что его нашел. А когда дали банку тушенки, папа вскрикнул от неожиданности. А когда дали банку сгущенки, бабушке стало плохо и папа ей дал нашатырь. А когда дали пельмени, папа от волнения их рассыпал. А потом собирал. И все оглядывался, чтоб его за руку не схватили и не крикнули:

— Ага, попался!

И только тетя-продавец улыбалась. Она спрашивала бабушку:

— Окорок будете?

— Буду.

— Чай будете?

— Буду.

— Что, и кофе растворимый, что ли, будете?

Бабушка запнулась:

— Бу...бу...

Папа подсказал:

— Будет.

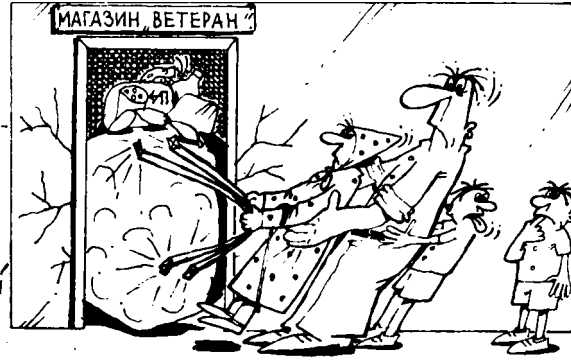
Тетя-продавец вежливо сказала:

— А вы, молодой человек, не мешайте. Зачем ей одной столько?

Бабушка сказала:

— Вообще-то я не одна. У меня — дочери, внуки...

— И зять, — сказал папа.

Дома нас ждал дедушка с ножом, делить продукты. И еще — мама и тетя Люда. Дедушка сразу заворчал на бабушку:

— Чего колбасы мало взяла?

— Больше не дали. Норма.

Дедушка отрезал кусочек колбасы, попробовал и сморщился:

— Хорошо, что не дали, дай им бог здоровья. Они эту колбасу специально для ветеранов делают, чтоб их меньше стало.

— Старый ворчун! — сказала бабушка, — тебе все не так.

— А тебе все так. Я не о себе забочусь, а о внуках.

Пока бабушка с дедушкой спорили, мама и тетя Люда раскладывали по своим сумкам продукты. Бабушке с дедушкой они оставили пельмени и сосиски.

Бабушка сказала:

- Забирайте пельмени и сосиски, их же дети любят.

А мама сказала:

— Нет, нет, это оставьте себе.

— Нам ничего не надо, — сказал дедушка.

— Нет, нет, — сказала мама и протянула дедушке деньги за продукты.

Дедушка отказался:

— Не надо нам денег, у вас у самих денег нет.

Тут бабушка с дедушкой опять стали спорить, и тетя Люда с мамой незаметно положили деньги в сервант. А пока они подкладывали деньги, дедушка незаметно подложил сосиски и пельмени в их сумки.

А я взял сосиски в карман и побежал на улицу. Петька смотрел, как я ем, смотрел, смотрел, пускал слюни и говорит:

— Где взял...это?

— А меня бабушка отоваривает.

Петька говорит:

— Дай попробовать.

Я ему, конечно, не дал. Самому мало.

Тогда Петька говорит:

— А я тоже умею отоваривать.

Я говорю:

— Врешь, не умеешь.

И тут он меня отоварил. А сам убежал. Ну и пусть бегаёт голодный. Так ему и надо!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (рассказ ребенка)

У кого день рождения, тот и главный. Я вчера самый главный был. Главнее паны. И даже главнее мамы.

Я, когда проснулся, мама уже напекла пирогов и тортов. Пана у меня спросил:

— Ну, кого будем приглашать на твой день рождения?

Я ему сразу сказал, никого. Папа удивился:

- Что, и Сашу не будем?

— Сашу не будем. Он ест быстрее меня.

— А Гришу?

— А Гриша сильнее меня. Он будет играть моими игрушками А я буду расстраиваться.

Папа посмотрел на меня и ушел на кухню к маме. Мама вышла и сказала:

— Ну, тогда давай пригласим Даню.

Это подружка моей сестры. Я сказал:

— Не надо Даню. Она подружка Олеси, и они будут играть друг с другом, а со мной не будут.

Тут в дверь позвонили, и я побежал открывать. А пока открывал, так и знал, что опять не повезет. Пришла Даня. Я ее выталкивал, выталкивал с дня рождения, но не мог вытолкать, поэтому она прорвалась на мой день рождения. Тут папа сказал:

— Как тебе не стыдно. Даня к нам в гости пришла, а ты ее не пускаешь.

А я ответил:

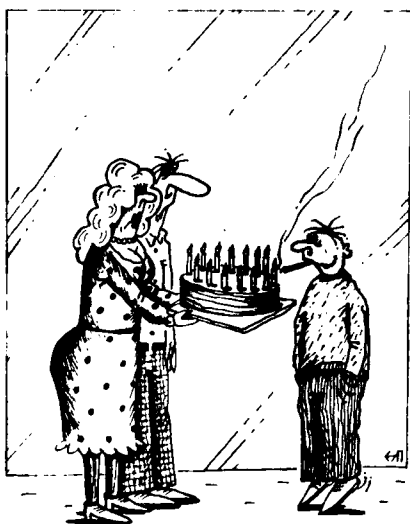
— А чего я ее буду пускать, если она без подарка пришла?

Даня сбегала домой и принесла подарок книгу. Пришлось ее пустить.

Даня с Олесей стали читать эту книгу вслух, по очереди. Такая смешная книга, я так смеялся, что даже подумал, хорошо, что Даня пришла. А потом папа подарил мне машинку на батарейках и велосипедик, а мама ботиночки и мячик. Я сначала машинкой играл. Только через пять минут батарейки кончились. Папа сказал, сели. А в магазине их нет. Тогда я сел на велосипедик и проехал круг по комнате. Но у велосипедика руль заклинило. Папа сказал, что купили не велосипедик, а гарантию к нему. Тогда я надел новые ботиночки и пнул по мячику. Ботиночки сразу треснули, а мячик лопнул. Мне стало обидно, и я заревел. Так сильно, что Олеся с Даней ушли на улицу. Но тут вбежала мама и сказала, давайте кушать торт. А я сказал, не буду кушать торт, потому что он сейчас взорвется. Но мама сказала, что торт не покупной, а она сама его делала. Тогда я попробовал. Такой вкусный торт, что хотелось быстрее пол отнять и съесть. Но под одеяло не надо было, ведь никого не было. Я так объелся тортом, что сразу стало скучно. Тогда я сбегал и пригласил Гришу с Сашей, они в нашем подъезде живут. И когда они ели торт, я так радовался, так радовался, что даже смеялся.

А когда и они объелись тортом, мы втроем начали беситься. А папа с мамой нас даже не останавливали. Потому что у кого день рождения, тот и главный. Мы так набесились, что чуть не уснули на полу в моей комнате. Но уснуть не успели, потому что Сашу и Гришу забрали их мамы.

Когда я засыпал, а мама рассказывала мне сказку, я подумал, оказывается, когда есть друзья, тогда и без игрушек может быть весело.

ВИЗИТ В СЕЛО
СЕЛО ОБАБКОВО

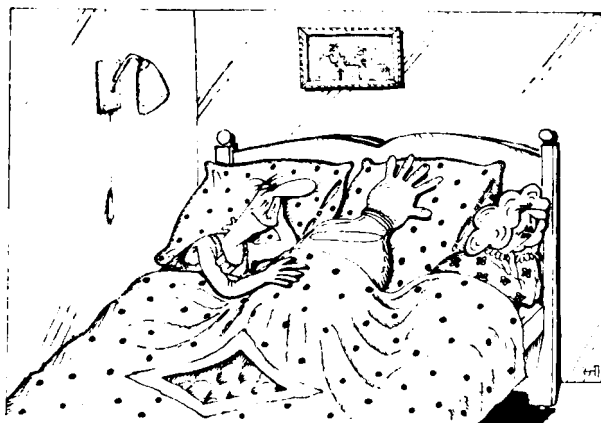
ПЫХТИ, МОЯ РОДИМАЯ

Ты моя любимая. Ты моя ненаглядная. Нежная ты моя и желанная...баночка моя трехлитровая. Стоишь ты, моя дорогая, в углу и пыхтишь себе в перчаточку. Желтенькая перчаточка резиновая раздувается, и газики из баночки выходят через пальчик указательный в атмосферу. Пыхти, моя родимая.

Желанная ты моя и дорогая. Дорогая ты моя, недешевая. Сахар по 90 копеек, дрожжи по три рубля, рис шлифованный...Ах ты, моя дорогая...А все равно дешевле. Пыхти, моя родимая.

Так и хочется схватить тебя, к груди прижать, щекой небритой об тебя потереться и поцеловать ручку твою резиновую в пальчик указательный. И вынюхать газики твои ядрененькие. Пыхти, моя родимая.

Ах ты, дите ты мое долгожданное. Это же сколько хлопот надо выходить тебя да вынянчить, довести тебя до совершеннолетия. Это же в магазине надо потомиться, да купить тебя, дитя недоношенную, в виде сока виноградного. Ить сколько нашего брага, мужичка, за соком-то сейчас стоит. А и детишкам хватает. Нот сколько соку то понаделали, дай им бог здоровьица. Ить смотреть приятно да радостно, как мужики трехлитро-

64

вые банки с соком несут. Как поросенок — под мышками. А уходу за этими поросятами, как за малыми ребятами. Пыхти, моя родимая.

А терпенье-то какое надо иметь нечеловеческое — дожидаться, когда ты созреешь. Ить тянет к тебе каждый день. Каждую минутку только о тебе и думаю, пузатенькая ты моя. А ночью только ты мне и снишься. Будто дядя Коля прокрался в дом и выхлебал тебя всю до дна вместе с гущей. В поту холодном от ревности вскакиваю, проверяю тебя да одеялками укутываю. Пыхти, моя родимая.

А вчера ночью пригрезилось, будто сын мой Аркашка тебя из одеялка распеленал и принюхивается. Сопляк такой, в седьмом классе учится. Вскочил я, как ужаленный, глядь, а он и впрямь отхлебнул из баночки. Выпорол я его, паразита, за такие дела. Ить сколько раз учил его — не созреет — не пей, брюхо заболит. Пыхти, моя родимая.

Это ж сколько врагов у моей колобродники! Дядя Коля, сын Аркашка, ну и, конечно, Марусенька моя, супруга сизокрылая. Сколько раз она хотела уничтожить тебя, моя пузатенькая. Это ж в каких битвах я тебя отстоял и спас, моя родимая. Вспомни, моя дорогая, как Марусенька наша кочергой тебя из угла выцарапывала, била тебя по щечкам стеклянным, ревновала меня к тебе. А я сказал:

— Марусенька, бей меня, а ее не трожь. Не виноваты мы перед тобой, любовь промеж нами. И Марусенька меня била. Ой, как она меня била! А тебя не трогала. Спас я тебя от неминуемой гибели. Пыхти, моя родимая.

И вот сегодня — последний наш вечер разлуки. Завтра — срок. Завтра соединимся мы с тобой безраздельно, сольемся воедино и никакой враг нам не страшен будет. Завтра, моя ненаглядная. Завтра, моя любимая. Потерпи одну

ноченьку. А сейчас спи. Любимая, спи, спи, спи.

■ ВИЗИТ В СЕЛО ОБАБКОВО

Вчера деревню Обабково посетил с дружеским визитом тракторист из деревни Мухоморово товарищ Мухоморов с супругой. Высокого гостя в аэропорту Шеребабьево встречают товарищи: тракторист Обабков с супругой, шофер Оплетаев с супругой, сторож Овсов с тещей. И другие официальные лица.

В воздушном пространстве аэропорта кружатся лайнеры всех марок — вороны, сороки, грачи. Наконец, из леса выезжает Высокий гость с супругой. Гостей доставила правительственная кобыла по кличке Боинг-707. Гостям помогает сойти с телеги обаятельная стюардесса дед Фомич. Тракторист Мухоморов и тракторист Обабков горячо приветствуют друг друга. Товарищ Обабков интересуется условиями перелета от Мухоморово до Обабково через овраги.

Высокий гость и товарищ Обабков обходят почетный караул сторожей. Затем почетный караул сторожей проходит перед гостем в торжественном марше. Ровными рядами и колоннами чеканит шаг караул - два брата Овсова. У одного безупречно ровно торчит бердана, у другого еще ровнее — вилы. Шуршат плащ-накидки, почти не просят каши сапоги. Почетный караул в торжественном марше уходит сторожить заготзерно.

Трактор ДТ-54 тянет в Обабково открытую тележку с Высоким гостем на борту (на левом). Вот трактор въезжает на главную улицу села Обабково, поскольку других улиц нет. И сразу застревает в луже у сельсовета. Почетный эскорт из мотоциклистов красиво застрял еще раньше, позавчера.

Тысячи сельчан вышли бы на улицу встречать Высокого гостя, если бы в деревне осталось хотя бы человек 50. Но осталось всего лишь 26.

Под шквал 11-ти (трудоспособных) аплодисментов сельчане провожают Высокого гостя с супругой из лужи до дома. В гости к трактористу Назару Обабкову.

Назар Обабков с супругой прибежали из аэропорта пешком и теперь ждут гостей в Матренинском зале избы. Матренинским зал назван в честь бабки

Матрены, которая здесь живет, работает и ночует.

Хозяин дома тракторист Назар Обабков приглашает гостя тракториста Мухоморова в Деревянную палату (сарай) для предварительных переговоров.

В это время госпожа Мухоморова в сопровождении госпожи Обабковой осмотрели достопримечательности Обабково: невспаханное поле площадью 800 га и колхозную баню, действующую, в аварийном состоянии.

Затем они побывали в Оружейной палате егеря Егорова, где осмотрели его двухстволку «ИЖ-49».

В алмазном фонде села Обабково госпожа Мухоморова пощупала руками уникальный экспонат - шапку монаха. Эту шапку-ушанку монах выбросил еще в 1918 году. Но уже в 1919 он подобрал ее и носит до сих пор, не снимая. Шапка демонстрируется вместе с монахом.

В заключение осмотра достопримечательностей дамы сходили по грибы.

В колхозном клубе тракторист Мухоморов дал большую пресс-конференцию по правам человека-шофера. Он рассказал, что однажды в них в деревне Мухоморово гаишники отобрали «права» у одного человека шофера. И он решил убежать в другую деревню. Но потом его передумали, и он остался. И не жалеет! Сейчас он живет и работает пока без «прав». А как передумает, так получит.

В заключение конференции товарищ Мухоморов ответил на многочисленный вопрос селькора Морковкина, собравшегося в зале. Морковкин пять раз спрашивал вслух и два раза в записке: «Почему в зале я один?» Товарищ Мухоморов обстоятельно ответил на все вопросы.

В частности, он ответил: «А я откуда знаю?»

Вечером в Егорьевском зале Избы (там отходит дед Егор) супруги Обабковы дали торжественный ужин в честь Высокого гостя. Трактористы обменялись тостами. Назар Обабков сказал:

— Я поднимаю этот талон на бутылку вина за здоровье наших дорогих гостей господина Мухоморова и госпожи Мухоморовой. Пусть наша деревня процветает как ваша, а ваша — как наша.

С ответным тостом выступил товарищ Мухоморов. В частности, он сказал:

— А выпить где?

После тостов трактористы обменялись подарками. Назар Обабков поднес гостю картину-натюрморт. На картине изображены талоны на сахар, сыр,

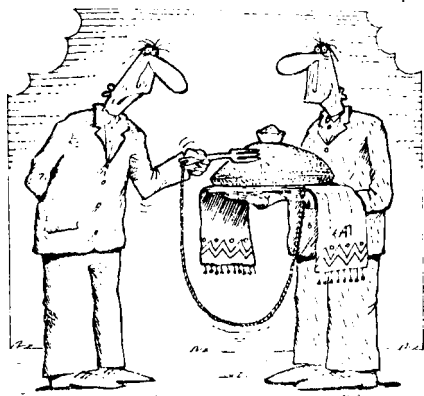
колбасу, масло, яйца и шерсть. Да так аппетитно, хоть вырезай и беги в магазин. Товарищ Мухоморов хотел это сделать. Но ему сказали, что в магазине ничего нет. И магазина — тоже.

В свою очередь товарищ Мухоморов подарил Назару Обабкову картину-пейзаж «Утро в сосновом лесу». На картине два больших трактора и два маленьких тракториста лезят по зарослям, ищут выход в поле.

Ужин прошел в теплой дружеской атмосфере, возникшей в результате ссоры между трактористами из-за последнего стакана браги.

Ночью того же дня из аэропорта Шеребабьево Высокий гость отбыл на родину.

Стенгазета «Обабковский фермер»

■ НОЧНОЕ ШОУ

— Легко ли быть молодым? -- спросила билетерша Петровна деда Кузьмича.

— Да нелегко в 80-то лет. Но можно! - ответил Кузьмич, предъявляя билет на ночное шоу.

- И чего тебя тащит к молодежи?

-- Влекет, Петровна, сильно влекет. Я поглядеть хочу. А глядеть-то я еще ой как могу!

В селе Обабково разворачивалось ночное шоу. Городской кооператив «Досуг» приобщал село к новой жизни.

Деревню лихорадило от сборов и приготовлений. На улице Силосоуборочной, в доме № 2 родители хлопотали вокруг сына. Отличник

боевой и политической подготовки Иван Епифанов вчера дембельнулся на родину. Родину он не узнал: панки, рокеры, металлисты, ночные шоу — обалдеть!

-- Мам, где я? -- спросил Иван, как только приехал.

— Ты на родине, — ответила мама.

Когда Иван сказал родителям, что собирается на ночное шоу, отец обнял его и спросил:

Патроны есть?

А мать добавила:

Ты береги там себя, сынок. Сейчас я соберу тебя в дозор.

И она, смахнув слезу, принялась складывать в рюкзак яйца, лук зеленый, картошку в мундирах.

Иван вздохнул. Честно говоря, он не знал, что больше потребуется в ночном: патроны или закуска. Ясность внес друг детства, Илюша Дальнорский, не служивший в армии по причине близорукости.

Он с порога сказал:

Ночное шоу — это увеселительное мероприятие, направленное на досуг молодежи: дискотека, видеокафе, рок-ансамбль и море девушек.

— А девушек кооператив что ли привез? спросил отец.

- Нет, девушки все свои, кто придет, - ответил Илья.

Что-то я у нас кроме бабки Матрены девушек не знаю, — почесал за ухом отец.

-- На праздник много приехало, - уточнил Илья.

— Ну, если что приехало...

В доме № 4 по улице Перегнойной возле зеркала сидела Зина Зубоскалова — молодая и зовущая, как стройки БАМа.

Она лениво гладила себя то по немецкой комбинации на талии то по покатоному плечу. По ее лицу было видно, что она довольна сравнением. Более гладкого предмета, чем она сама, в мире не существует, даже среди импортных.

По кухне и по комнате кругами бегала встревоженная мать- старушка в фартучке и приговаривала:

-Ой, что бу-и-ит, что бу-и-ит...

-Да что бу-и-ит? - передразнила ее Зинаида.

-Да то и будит, что с деревенскими в городе бывает... Дался он тебе, этот

город. Вон Маринка после школы никуда не поехала.

Маринка сидела тут же, поджидала свою подругу. Она действительно после школы пошла работать на ферму, где и делала перестройку тихо, без лозунгов, под раздольную коровью песню.

Иван с Ильей подошли ко Дворцу культуры, когда ночное шоу уже мощно набирало свои обороты. У рекламной афиши перед входом стоял дед Кузьмич. На афише красовалась надпись: «Всего за 10 рублей вы не уснете всю ночь!»

Дед всем комментировал надпись:

— Да если б мне дали К) рублей, я не то что не спать, а на голове ходить буду. Если на ноги удачно встану.

В фойе Дворца ходуном ходила дискотека. Иван от неожиданности привычным движением поправил на груди несуществующий автомат Калашникова.

Попривыкнув к шуму и грохоту, Иван с Ильей встали в сторонке и принялись изучать обстановку. И в это время в зал вошла Она. Она появилась в дверном проеме, как богиня любви в позолоченной раме, вся декольтированная и экзальтированная.

- Кто это? — ошарашенно спросил Иван у танцующего рядом деда Кузьмича с 7-летней племянницей.

— А-а, это Зинка Зубоскалова. Сейчас в городе живет, шибко модная стала. Ишь, как обнажилась...обнажилась. Я помню, раньше бывало, дружишь с девушкой, так ее комсомольским значком всю руку себе поцарапаешь. А тут, гляди-ко, никаких преград.

И дед исчез в гуще танцующих.

Зина с Мариной прошла в зал и лениво заскользила глазами по танцующим. Неожиданно она встретилась взглядом с Иваном. Ивана словно током дернуло от Братской ГЭС. Да и Зина вздрогнула, как одинокий душман под дулом автомата. Словом, в этот миг в селе Обабково возникла любовь с первого взгляда.

Первой пришла в себя Зинаида. Она пригласила Ивана на танец и, уверенно прижав к себе, новела его в изумительное путешествие по неизведанной стране под именем Любовь. У Ивана бешено колотилось сердце. Сердце Зинаиды билось ровно; стабильно, без перебоев работали и другие внутренние органы.

В вихре налетевших чувств и водовороте подступивших предчувствий Иван не

помнил, сколько они танцевали с Зинкой, о чем говорили, он даже не заметил, как Илья передал ему какой-то ключ, и они очутились вдвоем с Зинаидой в примерной комнате.

С пылом дембельнувшегося солдата Иван принялся наносить Зинаиде телесные поцелуи легкой и средней тяжести. Голос дивной красавицы прозвучал в этой обстановке, как гром среди ясного потолка:

— Ваня, а деньги я привыкла вперед брать.

Иван, набравший бешеную инерцию чувств, не мог сразу остановиться, поэтому целовал Зинаиду еще минут пять. Наконец, помутневшие глаза его прояснились и он прохрипел:

— Какие деньги?

— Валюты у тебя все равно нет, так что давай советские — 150 рублей.

Иван сел на диван строго вертикально и потряс головой. В школе они этого не проходили. В армии — тоже. Он автоматически вынул горсть мятых бумажек с мелочью из кармана и пересчитал на туалетном столике. Денег было 17 рублей 3 копейки и две пуговицы.

Зинаида хихикнула от малости имеющейся суммы.

Разгоряченный дембель Иван Епифанов испытывал те сильные чувства, которые обычный человек испытывает у прилавка винного магазина, когда не хватает.

Зинаида уловила ход мыслей молодого человека и молвила:

— Цены устанавливаются не здесь, а в Москве. И мы на местах не можем отменять решения центра.

Иван понял, что дело любви и дружбы успело встать на прочную государственно-экономическую основу. Поэтому спросил с надеждой:

— А льгот для отдельных категорий работников у вас не предусмотрено?

— Предусмотрено, — ответила Зина, наш министр легкого поведения определяет 30-процентную скидку студентам и студентам-заочникам в период с 1 ноября по 1 мая, а также инвалидам и участникам войны круглогодично при наличии удостоверения.

Иван предъявил удостоверение. Зинаида сверила фотографию с владельцем и сказала:

— Тебе положена скидка в 50 рублей. Остается стольник.

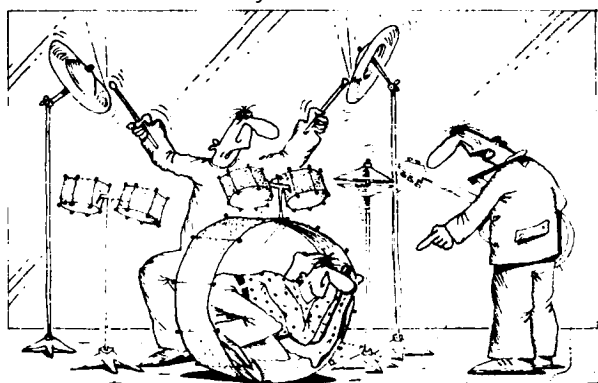
Иван прослезился от счастья. Все-таки большое дело — бюрократический порядок и бумажная дисциплина. Любовь приблизилась ровно на 50 рублей, появилась хоть какая-то надежда.

К Ивану вернулась уверенность. Он начал действовать смело, решительно и умело.

— Зиночка, — сказал ласково Иван, — сиди здесь, жди меня. Я займу денег и вернусь.

Он сгрэб свои деньги со столика и выскочил из примерной.

(Окончание следует)

НОЧНОЕ ШОУ (окончание).

Краткое содержание первой части.

Маленькое, но гордое село Обабково за годы перестройки резко выросло, окрепло и изменилось. Накануне праздника в село приезжает городской кооператив «Досуг» и разворачивает ночное шоу во Дворце культуры. На мероприятие приходит све- жедемобилизованный солдат Иван Епифанов и влюбляется там в Зину Зубоскалову. Волей судьбы молодые влюбленные оказываются вдвоем в примерной комнате. Порыв любви Ивана Зина останавливает словами: «Деньги вперед». И называет круг- лую сумму. Ошарашенный Иван кидается занимать недостающие деньги у друзей. Зина остается одна в томлении и ожидании.

Дворец сотрясился от грохота рок-ансамбля. Самодеятельные музыканты заколачивали зрителям музыку в селезенку, а тексты - в лоб.

В малом зале работала дискуссионная трибуна и свободный микрофон.

Оратор-бюрократ кричал с трибуны:

— Долой бюрократов!

А публика, не подозревая о кошмарной двойной игре, вторила:

— Долой!

Иван протискивался через гущу мероприятий, как через джунгли. Ильи нигде не было. Наконец Иван увидел, как фигура друга мелькнула в коридоре курилки. Он бросился туда, но на его пути встала художница-моменталистка с совершенно диким нездешним взглядом.

- Я буду писать с вас портрэт, — сказала она твердо и дьявольским жестом бросила Ивана в кресло.

Иван хотел встать с кресла, но два дюжих ассистента художницы положили ему свои волосатые руки на плечи. Вскоре с портрета на Ивана глянул Иван с огромными бешеными глазами. В них однозначно читался вопрос: «Где взять деньги?» А когда художница сказала, с вас десять рублей, сходство Ивана с портретом еще больше увеличилось.

Конечно, в курилке Ильи уже не было. Иван заглянул в красный уголок. Здесь проходила встреча населения с писателем- юмористом. Иван прошел по залу, взглядываясь в заснувшие лица зрителей. Тишину нарушал лишь голос писагеля-юморис- та, читавшего свой рассказ, и легкий храп собравшихся. Писатель во время чтения иногда хихикал, иногда смеялся, а в конце рассказа захохотал так, что упал на пол и укатился под рояль.

Ильи нигде не было. Иван пошел в сторону видеосалона по коридору, где и был схвачен пятью фотографами-кооператора- ми. Они ловко обшелкали его с ног до головы, забрали последние деньги и сказали: «Фото ждите по адресу». Правда, адреса не взяли.

В видеосалоне Иван увидел деда Кузьмича. Здесь крутили фильм ужасов. На экране людоеды аппетитно пожирали друг друга. Основные зрители — дети забрались от страха под стулья и смотрели фильм, закрыв лицо ладошками, время от времени раздвигая пальцы. Дед Кузьмич так же от страха замаскировался под лопух, воткнув в бороду две репейные шишки. Сходство деда с сорняком было потрясающим, его ни за что бы не обнаружили людоеды.

Иван тронул деда за плечо, тот от неожиданности подпрыгнул и с воплями кинулся на выход. В дверях он столкнулся с входившим Ильей, и оба повалились

на пол.

В курилке Иван объяснил Илье ситуацию. Ухо деда Кузьмича раскалялось по мере рассказа сначала докрасна, потом добела, и если бы дед не прижал его рукой, оно бы отскочило.

Поскольку сначала нарисованный, а потом и сфотографированный Иван остался совсем без денег, то требовалось ровно сто рублей.

Дед Кузьмич сказал шепотом:

— Я могу дать 50 рублей.

— 50 — это на полдела, — сказал Илья.

— А на дело меня и не хватит, -- сказал дед, — я просто в долю хочу.

Иван дернул деда за бороду и привел его мысли в порядок. После выцарапывания из всех карманов деда и Ильи набралось 99 рублей, 93 копейки и полпачки махорки.

— Семь копеек не хватает, — заметил Илья с немецкой педантичностью.

Дед подхватил:

— А она, собака, возьмет и на семь копеек не доработает. Не-ет, в этом деле каждая купеечка важна, особенно последняя.

И помолчав, добавил:

— Уж коли влюбился на сто рублей, дак сто и надо.

Семь копеек заняли у первого появившегося в курилке. Иван, зажав деньги в кулак, шагнул в неизвестность. А дед Кузьмич сказал ему вслед:

— Это сколько же я за свою жизнь на своей бабке сэкономил!

Иван осторожно постучался в дверь гримерной.

— Войдите, — ответил спокойный женский голос.

Иван шагнул через порог. Перед ним стояла все та же красавица Зина, только одета она была в школьную форму, а вместо современной прически на ее голове торчали две задорные косички с бантиками. Иван стоял перед ней со сложенными в горсть руками, полными денег.

Зина вынула из сумочки какую-то бумажку и стала читать вслух:

«Здравствуй, мой далекий солдатик, Ваня. Не писала тебе две недели, потому что поступила на подготовительные курсы...»

От неожиданности у Ивана подкосились колени, и он встал на них, как обелиск.

-- Так это ты мне писала? И подписывалась «твоя незнакомая девушка»?

— Да, я. И в школе тебе писала записки я. Но ты же меня не замечал, ты был взрослый и был влюблен в Веронику.

— А как же ты дошла до...такой жизни?

— Я не доходила, это ты дошел, — Зина показала на деньги в горстях Ивана. Руки Ивана разжались, скомканные купюры запорхали в воздухе, как снежинки, а мелочь весело раскатилась по полу...

— Эй, Никифор, — стучал Иван в ставень дома председателя сельсовета, — вставай, свадьба будет.

Никифор, кряхтя, слезил с печи и ворчал:

— Опять свадьба. Вот повадились по ночам-то жениться. Сколько помню, ни одни еще днем не списывались.

— А ты себя вспомни, — сказала с полатей сонным голосом Пелагея, — вот времечко было...

— Было, — пробурчал Никифор, доставая из-за иконы книгу записей гражданского состояния.

Ночное шоу плавно переходило в раздольную деревенскую свадьбу.

СПОРТСМЕН В ЗАКОНЕ

Я всегда был за спорт. За большой, когда в «Адидасе» с лампасами, па лыжах. И за массовый, когда босиком и без лыж. Без чешек, без кед, но -- массово!

Как раз летом наш физорг вербовать нас начал. На малую, говорит, олимпиаду. Мне, говорит, массовость нужна -- сто процентов. Мы, конечно, возражаем, какие к черту спортсмены — бухгалтера, учетчики. А он угрожает 13-й зарплатой. И вообще, говорит, на этот раз не увильнете.

Кошкина в теннисисты записал. Кошкин кричит, я не знаю, что в теннисистах делают! Он ему объяснил:

Научу. Ты, Кошкин, только подачи делать будешь. Шарик подбросишь до потолка, противник голову задерет вверх, а ты — из кармана второй шарик — чик! И есть очко.

А на его подачах что делать?

- Это не твоя забота. У нас Кузькин будет под потолком замаскирован. Противник — шарик вверх, Кузькин — шарик в сачок, а противнику сверху —

бильярдный.

В общем, натаскал нас физорг теоретически. А в воскресенье мы вышли практически на старты.

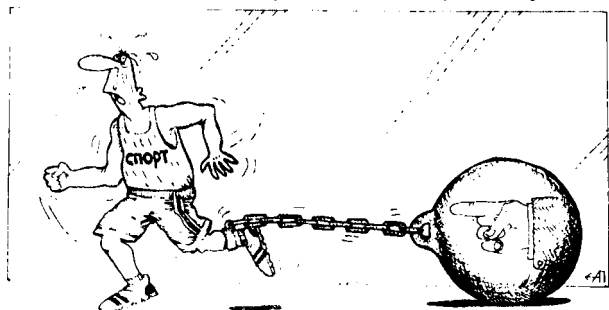
Ядро у нас толкал кассир Комарихин. Его в армию за мелкий рост не взяли. Но удивил он нас толчком замечательно. Он вышел и ка-ак толкнул! Ядро — на месте, а он — на десять метров в кусты. Мы его всей командой из кустов выцарапывали. Толчок засчитали, потому что в правилах не оговорено. Физорг Ко-марихина зеленкой смазал и говорит:

— Да ты прирожденный атлет. Давай заодно и молот метни.

Ну, Комарихин после толчка уже мало что соображал и взялся за молот. А раскрутить не может. А физорг у нас здоровый парень, говорит судье:

- Я помогу ему раскрутить, а бросать он сам будет.

Физорг взял Комарихина за талию и вместе с молотом раскрутил до невозможности. Кричит Комарихину:

— Отпускай молот!

А Комарихин лямку на руку намотал, а размотать не может. И, естественно, Комарихин из рук физорга выскользнул. И полетел с молотом. Упали они с молотом в опилки. В сектор для прыжков в длину. Судьи в секторе удивляются, мол, туч нет, а люди с неба падают. Нет-нет да и капнет. К дождю, что ли?

А Комарихин уже в азарт вошел, понравилось в лучах славы купаться. Говорит судьям:

— Я не с неба. Я в длину упал прыгать.

Отцепился он от молота - и в разбег. С разбега он решил в длину. Разбежался, прыг! А навстречу ему встречный ветер. Конечно, Комарилина без молота отдуло. И посадило туда, откуда прыгнул. Повели Комарихина па другую попытку. Он говорит:

— Чтоо меня не сдувало, надо меня утяжелить.

Дали ему мешок с сахаром. Он попробовал на вес и говорит:

— Туда бы еще килограмм десять добавить надо. Дрожжей.

Добавили дрожжи.

Комарихин закинул мешок на загревок и разбежаться начал. Такую скорость набрал, мы думали, метров 12 скакнет. А он пробежал по сектору и исчез в неизвестном направлении. Даже на работу до сих пор не выходит.

Но разбираться с Комарихиным некогда было, потому что как раз в сектор для толкания ядра вышла наша Мила Марусина.

В жизни она дверь с трудом открывала, а тут выпало на ее долю ядро.

Физорг перед самым толчком к Миле Марусиной ее мужа подвел. Для обнюхивания. Мила как только его понюхала, сразу закричала:

А ну дыхни!

Он дыхнул.

Разъярилась Мила до безобразия. За что попало стала хвататься, даже за ядро. Физорг мужика мил иного в сектор поставил. За отметку мирового рекорда. И сказал Миле Марусиной:

— Кидай!

Мила кричит на своего мужика:

Ах ты, ядрена-зелена, я тебе покажу!

И толкнула ядро.

Ядро отметку мирового рекорда пролетело и свистит прямо в мужика. А тот стоит хоть бы что. На грудь ядро принял. Ядро, конечно, сплющилось, а мужик, конечно, расстроился. Говорит:

— Вот всегда так. Обязательно в грудном кармане чем-нибудь да разобьет бутылку.

А в бассейне прыжки на дальность ныряния проходили. Там у нас мощный мужик выступал. Петя из ЖКО. Правда, плавать он не умел. Но физорг ему объяснил:

- Нырять — не плавать. Нырять — это все равно, что тонуть, но с возвратом.

Петя сомневался. Страшно, говорит, в первый раз в воду прыгать. А физорг его страшает:

- Ты представь, что тебя начальник ЖКО с его женой застукал.

Петя как сиганул в воду, даже раздеться не успел. Бассейн у нас 25 метров. А Петя нырнул па 35. В женской раздевалке вынырнул.

А вот в высоту мы не очень высоко прыгнули. Бухгалтер там у нас выступал, на полтора центнера весом. Планку он на метровой высоте сбил. Зато при приземлении вошел вглубь на два с половиной метра.

После соревнований я подумал, большое дело — спорт. Особенно, когда массово!

■ ГДЕ-ТО В НИЦЦЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Жора Понькин брился и слушал по местному радио какие-то сообщения на французском языке. Утро было замечательное. Из окна уютного коттеджа открывалась панорама Средиземного моря с белым пароходом на горизонте, лазурным прибоем внизу под горой и золотистым пляжем с тремя японцами на песке. Как всегда, они вышли в этот ранний час на утреннюю зарядку и, весело визжа, как бы уродовали друг друга приемами бесконтактного карате.

Жора наполнялся радостью от сознания, что отдых в международном автокемпинге подходит к концу, и совсем скоро они с женой Варварой поедут на своем «Запорожце» домой в свой любимый областной центр Кулебякинск.

Варвара тоже пребывала в отличном настроении. Одета в простенький пеньюар, именуемый в деревнях поднизкой, она сидела за пианино и шинковала лук на газете «Франс-пресс».

Ты никак плачешь, Варюха? Уезжать, что ли, не хочешь? — спросил ее Жора, муссируя лицо тройным одеколоном.

- Да отстань ты, от лука я.

Жора посмотрел через пузырек на Средиземное море.

- Хоть и красиво здесь, а домой охота. Варь, интересно, со сколько у нас сейчас тройным торгуют?

Не получив ответа, Жора прошелся по зеленому ковру с ворсом чуть не до колен и погрузился чуть не с головой в необычайно мягкое кресло.

- Ну и ковер здесь, бродишь, как по полю. Я думаю, хорошо, что мы всей группой вместе поселились. А то что бы мы вдвоем в этой избе делали? Три комнаты да еще зало, — обвел рукой Жора, намекая на гостиную, в которой они находились.

Взгляд его нечаянно коснулся своей руки, и брови сами вскинулись в

изумлении.

76

Варь, ты посмотри, рука какая чистая. И вторая почти такая же. Эх-ма, а ведь скоро обратно ехать.

Подумав об этом, Жора весь передернулся и погрузился, потому что вспомнил весь путь через границы сюда. А вздрагивать было от чего. Еще перед поездкой знакомый механик сказал, что во Франции якобы большие перебои с запчастями к «Запорожцам». Вот поэтому Жора решил самое необходимое взять с собой. Необходимое едва вошло на автоприцеп «Скиф». Говоря проще, в автоприцепе везли еще один «Запорожец», только в разобранном виде. И хорошо, что везли. В дороге понадобилось все, кроме кузова.

В этом плане несколько лучше обстояли дела у руководителя их автогруппы Павла Ивановича Рукосуева и его жены Люси, которые, так сказать, тоже путешествовали — на «Москвиче». До первой границы они тянули, заезжая во все имеющиеся у нас станции техобслуживания.

Там «Москвич» Рукосуева подвергался многочисленным ремонтам, но, несмотря на это, до границы он дотянул. Последняя техпомощь была оказана в автосервисе одного приграничного городка, после чего необходимость в ремонтах отпала — «Москвича» пришлось взять на буксир. До самой Франции машину тащил за собой третий и последний экипаж автогруппы, состоящий из двух молодых людей, автолюбителей и умельцев-самоучек Бори и Коли. Ребята ехали на автомобиле собственной конструкции, собранном собственными руками. Их машина была легка, как пух, но сильна, как бык; изящна, как стрела, но надежна, как каменный топор. За всю поездку она ни разу не чихнула, и даже с «Москвичом» на буксире ребятам приходилось притормаживать, чтобы не оторваться от задыхающегося «Запорожца», груженного Жорой, Варварой и узлами с теплой одеждой на случай внезапных июльских холодов.

По тут надо отдать должное и «Запорожцу» — он все-таки ехал. Ехал, несмотря на то, что у пего, может быть, не было технической возможности ехать. Может быть, ее просто не заложили в него на заводе. Жора, грубо говоря, поминутно менял в машине узлы и детали, и она двигалась все дальше на запад. Жора продолжал любоваться чистыми руками, показывая их Варе, как октябренок перед обедом.

— Нет, Варь, я правду говорю, я у себя сроду таких рук не видывал, как машину купили.

Его мысли тормознул ворвавшийся с улицы Павел Иванович Рукоусев. Он рывком ослабил галстук на своей шее и спросил возбужденно:

-- Радио слушали?

- Слушали, -- ответил Жора, а что толку, что слушали? Они ж по-нашему...не понимают.

Павел Иванович, отдуваясь от жары, расстегнул пиджак и сел в кресло.

— Надо срочно созывать всю группу, я должен сделать экстренное сообщение. Где наши умельцы?

— Дрыхнут еще, наверное, — показал Жора на дверь одной из комнат.

Боря и Коля квартировали в этом же четырехкомнатном коттедже, хотя при размещении группы каждому экипажу из трех предлагали занять отдельные домики. Такое щедрое предложение наша делегация опротестовала.

— Это что же получается? — сказала тогда Варвара, — у них столько бездомных семей бродит по всей Франции, а мы будем жить в хоромах? Я предлагаю всем поселиться в одной избе. Веселее же!

Боря и Коля, подумав, добавили:

— А что? Давайте жить вместе, зато будем чувствовать себя, как дома.

Правда, жена Рукоусева — Люся скуксилась и сказала:

А зачем? Ведь жильё оплачено.

Но ее прервал сам Рукоусев на правах старшего:

— Решено, заселяемся все вместе. Во-первых, все друг у друга на глазах, а во-вторых, в случае мало ли чего — держать осаду будет легче.

Так и сделали. В спальне на кровати спали Рукоусев с Люсей, в библиотеке на купленных раскладушках — Жора с Варей и в третьей комнате на полу — Боря с Колей.

А зало, как его называли Жора и Варя, использовали для общих мероприятий, связанных с общественной жизнью группы, — собраний, совещаний, женсовета и так далее. Словом, отдельный коттедж превратился в добротную коммуналку, зато, как подсчитал Жора Понькин, высвободились двести метров квадратных жилья для бездомных французов.

Конечно, Боря с Колей, будь они с женами, не обрадовались бы перспективе

общаться с ними на полу, но они же были без жен. Вообще-то они хотели ехать на двух своих самодельных машинах и с женами, но им посоветовали ехать на одной и без жен. Чтоб веселей было возвращаться.

Павел Иванович постучал в дверь к ребятам, но ответа не получил. Тогда он осторожно приоткрыл дверь. Работающий в углу цветной телевизор ошеломил Рукосуева сексуальной сценой из какого-то нехорошего фильма. У телевизора на полу сидели Боря и Коля. По их лицам можно было догадаться, что они не спали всю ночь. Умельцы-рукодельцы сидели к телевизору спинами и азартно писали какие-то формулы.

— Ну что ты пишешь, еловая твоя голова? — в сердцах сказал Боря, почесав пальцем свой развитый нос, — зачем ты возводишь в квадрат вот эту «альфу»? Разве она в квадрате?

— А в чем же она еще? — парировал Коля, шмыгнув веснушчатым носиком, — в трусах, что ли? Конечно, в квадрате. Это выражение вытекает вот из этой формулы.

Коля поискал глазами на чем-то, но нашел мужниной формулу, но чистой бумаги не нашел и тогда повернулся в сторону телевизора и в пылу спора написал фломастером формулу на экране. Выражение оказалось неправильным как раз на главной героине.

— Нет, — возразил Боря, — это вытекает из другой формулы.

Он резко черкнул на экране латинские буквы повыше па бедре главного героя.

Коля сосредоточенно смотрел па экран, потом ткнул пальцем в бедро героини, татуированное его формулой и сказал:

— Ты просто не чувствуешь динамику, не видишь физику процесса. Все вытекает из этой формулы.

На это Боря ткнул пальцем в бедро главного героя, татуированное его формулой, и возразил:

— Нет, из моей. Это ты не видишь физику процесса.

Коля опять принялся изучать экран и сказал уже с сомнением:

— А может, мы оба не видим физику процесса?

Умельцы-рукодельцы только сейчас заметили, что в дверях стоит поникший старший.

— Ребята, — сказал он тихо, -- выйдите в зало, то есть в зал, есть важное сообщение. Да телевизор хоть выключите. Жрет же энергию.

Все, кроме Люси, сидели в зало, то есть в гостиной, и нап- ряженно ждали, что скажет Павел Иванович. Он ходил по ковру с ворсом роста луговой травы и высоко поднимал ноги. Наконец, остановился и сказал торжественно, как на панихиде:

— Сегодня в пять часов утра мне сообщил переводчик, а ему сообщило ихнее радио, что администрация нашего, точнее, ихнего автокемпинга объявила на завтра...авторалли среди отдыхающих! Как сказал переводчик, ралли это традиционное и шуточное, но, как думаю я, дело эго нешуточное. Какие будут мнения?

Видно было, что Варвара ждала чего-то большего. А тут что? Автогонки да и все.

— Если надо, — беззаботно сказала она, мы с Жорой по едем съездим на нашей. Она у нас на ходу.

Рукосуев долго смотрел на жакет Варвары, выброшенный поверх пеньюара, тяжело вздохнул и сказал:

— Какие еще будут мнения?

-- Не вижу ничего страшного, - вступил Боря. мы с Колей поедem на нашей «Магдалине», она вполне конкурентоспособна с любыми зарубежными моделями, и нам самим интересно проверить это в деле.

— Эх, если бы на вашей, то я был бы спокоен,- сказал Рукосуев, вспоминая, как его «Москвич» забрасывало на поворотах во время буксировки, - но ведь она у вас не се- рийная, сделана частным образом. А раз частным, значит она не наша, не советская. Мы же должны защитить цвета нашей автомобильной промышленности, еще более приумножить ее славу. А как ее приумножить? Да я бы поехал приумножил на своем «Москвиче», да не на ходу ведь.

— Тогда не будем участвовать, и делов-то, — весело махнул рукой Жора Понькин.

— Вы что? — встрепенулся старший, — это напрочь исключено. Вообще, мы против автогонок, но если нам навязывают, мы выступим. Это вызов, мы его принимаем.

Поблудневшая от навалившегося горя Варвара почувствовала, что это ветер суровой години дует в лицо, а в такое время на мужчин надейся, но сам не плошай. Варвара поняла, что ей не хватает Люсиного женского плеча, чтоб сплотиться, чтоб навалиться вместе, чтобы раздавить беду. Распираемая неразделенным женским горем, Варвара спросила:

— А Люся, Люся где? Она знает?

— Люся знает, — ответил Рукосуев, — она звонит в Кулебякинск на завод в местком — получить инструкции. И согласовать вопрос с местным комитетом.

Все помолчали, обдумывая положение. Вопрос задал Жора:

— А какой приз будет, если мы выиграем?

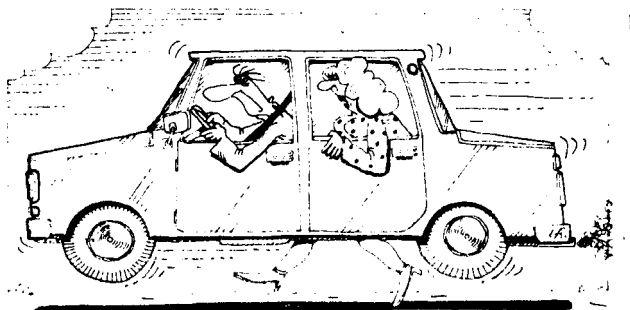
Рукосуев подавил выскочивший смешок и ответил грустным голосом:

— Неделя бесплатного отдыха здесь же.

Люся возникла на пороге бледная и обеспокоенная. Варвара бросилась ей навстречу, они обнялись и, сплоченные горем, постояли в таком положении с полминуты.

Люся сообщила, что французские телефонистки легко соединились по цепочке: автокемпинг—Париж—Москва — Кулебякинск, но до месткома дозвониться не смогли. Теперь ответственность за принятие решения целиком ложилась на плечи самих автотуристов.

Дебаты затянулись до ночи, и окончательное решение было принято уже при свете карманного фонарика, включенного из

80

соображений экономии электроэнергии. Кстати, батарейки для фонарика купили в газетном киоске автокемпинга, каждый взял тогда по тридцать штук в одни руки. Киоскер-пенсионер, впервые увидев очередь из шести человек у своего киоска, сначала ничего не мог понять, поэтому поздновато накинул цену. Лишь Жора Понькин, стоявший последним, взял батарейки по взвинченной цене. Но все равно взял.

Ажиотаж вокруг батареек успел сфотографировать корреспондент какой-то прогрессивной газеты. Потирая руки, он тут же убежал писать сатирический репортаж о суровой действительности Запада.

Принятое решение по участию в ралли оказалось удивительным по своей гибкости и конструктивности. Во-первых, решили выставить «Запорожец» с Жорой и Варварой. Была надежда, что в этом классе машин никто из зарубежных не поедет, поэтому «Запорожец» обречен на первое место. Если, конечно, заведется вначале, не заглохнет в середине и доедет до конца. Во-вторых, все же решили выставить и «Магдалину» — для подстраховки. Но прийти она должна только после «Запорожца», потому что он серийный. В-третьих, Павел Иванович и Люся будут осуществлять общее руководство гонками и на месте принимать все стратегические решения.

— Ну, ладно, — подвел итог Рукосуев и вознес глаза к небу, — Эх, помолиться бы, да узнают - выговор влепят.

— А давайте споем! — предложила Варвара, — только тихо, чтобы не беспокоить окружающих.

— Нас что — окружают? — встрепенулся Жора, но его успокоили.

Люся села за пианино и очень тихо сыграла вступление, так тихо, что музыку не было слышно из-за цокота ее длинных ногтей по клавишам. Остальные подхватили шепотом, и комнату наполнил шорох песни «Взвейтесь кострами, синие ночи».

После нения Рукосуев подошел к окну, отдернул штору и прочесал взглядом пространство возле коттеджа.

— А ночи-то и тут синие. Кто идет сегодня в ночной пикет?

Ночные дежурства возле машин были организованы в первый же день отдыха. График выбрали самый удобный — сутки дежуришь, трое — отдыхаешь.

Благодаря ночным пикетам за две недели ни с одной машины не сняли резину, не слили горючее из баков, не проткнули шилом колеса, не нацарапали гвоздем ни единого слова на капотах, не погнули карданные валы и не выбили ни единой фары. Даже попыток к разбою и грабежам не было. И это — в условиях Запада! Вот что значит бдительность и еще раз бдительность.

— Сегодня моя очередь сторожить, — доложил Жора Понькин.

— Тебе же завтра на старт-внимание-марш, — сказал Рукосуев, — может,

сегодня мне выйти, вне графика?

81

— Да нет, — возразил Жора — тебе после ночи руководить будет тяжело, а я привык на заводе.

— Тогда решено, — сказал в заключение Рукосуев, — все по комнатам, спать, не раздеваясь.

Уложив Варю в жакете на раскладушку и накинув на нее спальный мешок, Жора натянул кирзовые сапоги, накинул на пижаму плащ-палатку и подался в ночной дозор.

Ночь стояла в самом деле синяя и даже чуть голубая. Внизу у пирса играла музыка, слышался смех и треск вылетающих пробок из шампанского, а по лунной дорожке наверняка скользили сейчас тысячи взглядов влюбленных.

Со всех кипарисов слаженно звенел большой симфонический оркестр цикад.

Жора прошелся вокруг машин, волоча по земле длинные полы плащ-палатки. Он дышал глубоко, до отказа заполняя свои русские легкие французским воздухом, однако не забывал затаивать дыхание, когда шарил взглядом по розовым кустам. Жора проверил молоток в правом кармане, плащ-палатки, а из левого вытащил трещотку и потрещал ей, отпугивая предполагаемых воров. Потом подошел к кипарису, на котором специально была подвешена рельса, и звякнул по ней молотком тоже для устрашения. Французские цикады смолкли на секунду, а потом запели с новой силой.

Запугав до смерти всех негодяев, Жора уселся в «Запорожец» и включил приемник. По салону пошел стучать рок, да так захватывающе, что руки - ноги сами задергались в такт музыке. «Вот черт», подумал дозорный о своем приемнике, — работает ведь, хоть ты тресни».

Дело в том, что дома в Кулебякинске приемник не работал. Иногда он ловил одну станцию с хрипотцой, но по всем остальным диапазонам издавал звук работающей лесопилки. Жора даже два раза носил его в ремонт, но безрезультатно, и поэтому все собирался выбросить аппарат, но останавливала какая-то жалость к добротной сделанной вещи. А здесь вдали от дома приемник вдруг заработал, да так, что на шкале просто не было живого места — на каждом миллиметре сидело по несколько станций. «Хорошо, что не выбросил», —

подумал Жора, но мысли прервала мелькнувшая из-за кустов к машинам тень. Жора выключил приемник и притих, выжидая, когда вредитель подкрадется поближе, — дозорный решил брать импортного хулигана живьем. Когда хулиган пригнувшись подкрался к машине достаточно близко, Жора резко открыл дверь и ударил ей бандита по голове, свалив его на землю. С ловкостью кошки Жора замотал оглушенного вредителя в плащ-палатку и издал победный клич:

— Ну что, шпана импортная, попалась?

Из плащ-палатки проямлили на чистом русском языке:

— Не шпана я, я — Рукосуев.

— Павел Иванович? — захлопотал Жора, распечатывая старшего из брезента, зачем вы здесь?

Рукосуев сидел на земле и обминал рукой на лысине даже не шишку, а холм, моментально выросший от удара.

— Посты проверял, — хрипло сказал Рукосуев, — хорошо стоишь, молодец.

Жора помог старшему добрести до коттеджа, а сам вернулся на охраняемый объект.

...Грозное утро перед стартом выглядело совсем не грозно. Яркая многоязыкая толпа бурлила на зеленом поле, где уже выстраивались в одну шеренгу стартующие автомобили. Кто-то шутил, кто-то смеялся, на маленькой эстраде играл джаз-оркестр. Наши прибыли на двух машинах в том порядке, в каком должны были финишировать: первым ехал «Запорожец», второй — «Магдалина».

Все вышли из машин и, печатая строевой шаг, направились к судейскому столику.

Женщины были одеты в белые блузки и черные юбки, мужчины — в белые рубашки и черные брюки. Рукосуев шел впереди с бугром на голове. Группа с каменными лицами подошла к судейскому столику, как к военкомату. Главный судья, улыбающийся джентльмен, одетый, как рефери на ринге, спросил через переводчицу:

— Которая у вас самодельная, вот эта? — показал он на «Запорожец».

— Да, эта, — неожиданно вырвалось у Рукосуева.

— А эта какой фирмы? — показал судья на «Магдалину».

— Ханты-Мансийский деревообрабатывающий комбинат, цех ширпотреба, —

отчеканил Рукосуев, пугаясь своей фантазии.

— Новая фирма? — улыбнулся судья.

— Да, только разворачиваемся.

Судья с нескрываемым восхищением сказал, что если при такой отличной внешней форме у машины такое же внутреннее содержание, то за ней будущее. Потом спросил, какие проектные организации придумали такую прелесть.

— Два НИИ, три КБ и 18 заводов работали над моделью, — не моргнув глазом, ответил Рукосуев.

— А самоделка ваша не очень, — показал на «Запорожец» судья.

— А что вы хотите? — разошелся Рукосуев, — ее делали Жора Понькин с женой чуть не голыми руками, в сарае, на ветру, при остром дефиците материалов и жутких кознях автоинспекции. Спасибо, хоть такую сделали.

— Ну хорошо, выстраивайтесь на старт, — закончил разговор судья, заноса сведения в протокол.

Рядом с «Запорожцем» у стартовой черты стоял тяжелый «Вольво» со снисходительно улыбающимся шведом за рулем. Дальше на «Форде» расположился американец с плотным лицом в виде круглого доллара, еще дальше стояли в пешем строю три японца с большой сумкой в руках, но почему-то без машины. Вскоре они начали вытаскивать из сумки детали из непонятного материала, быстро прицеплять их друг к другу, что-то накачивать насосом и на глазах изумленной публики через несколько минут получился маленький автомобиль, грузоподъемностью примерно в полтора японца. Один сел за руль, а два других продолжали хлопотать вокруг машинки, доводя ее до полной кондиции. Один из японцев достал из кармана двигатель размером с портсигар, укрепил его под капотом, потом капнул в бензобак горючее из пипетки и с криком «На!» хлопнул по надувной крыше рукой. Машина была готова к эксплуатации.

Перед стартом Рукосуев подошел к «Магдалине» и сказал шепотом:

Ребята, установка меняется. Раз я сказал, что ваша машина серийная, то жмите на всю железку. Отступать некуда- - позади Кулебяки иск.

Все замерло перед стартом. Стихли голоса, замолк оркестр, машины стояли с выключенными двигателями. Выстрел ракетницы совпал с первым ударом грома над головой, намечался нешуточный дождь. Но гром увяз во вспышке рева

моторов и криках болельщиков. Все ожило и сорвалось с места. Машины помчались по полю, обгоняя друг друга, чтобы быстрее вырваться на автостраду.

На старте остался только красный «Запорожец», где за лобовым стеклом синело перекошенное лицо Жоры, яростно жавшего на ключ зажигания, и закрытое руками лицо Варвары. Мотор натужно чавкал всухомятку, но не заводился. Варвара неожиданно выскочила из салона, достала из баг ажника «кривой стартер», забежала к матине сзади, о размаху вонзила рукоятку в соответствующее отверстие и так мощно крутанула, что чуть не перевернула машину на бок. «Запорожец» взревел и задрожал всеми фибрами своей изношенной души, а когда Варвара плюхнулась на сиденье, сорвался с места и помчался по полю вдогонку за исчезнувшими уже на автостраде машинами.

Километров пятьдесят ехали в гордом одиночестве. Ни впереди, ни сзади не было ни одной машины, хоть ау кричи.

— Может, не туда едем? -- спросила Варвара.

— Куда не туда? Все туда, остервенело жал на газ Жора.

— Если туда, то где наши?

Наши там же, где и ихние. Что они нас ждать будут, пока мы с тобой отелимся? Только бы движок, подлец, не подвел.

Надо заметить, что назревавший дождь к этому времени уже выплеснулся. Он выплеснулся оптом, как из ведра, за несколько минут, а теперь опять светло солнце.

С очередного холма открылась удивительная картина в низине впереди. Удивила Жору и Варю она не красотой ландшафта.

а неожиданным поворотом маршрута с автострады на грунтовую дорогу. За поворотом уже месили грязь несколько буксовавших машин.

- А-а-а! — с жутким восторгом закричал Жора, — грунтовочка пошла. Кто сказал, что бога нет? Нам его летающие тарелки заменят.

Как только передние колеса «Запорожца» коснулись грязи, машина словно ноздрей почуяла дым отечества и проворно заскакала по лужам и кочкам.

Вот позади остался швед на своем «Вольво», стоящем поперек дороги. Водитель даже не пытался двигаться, он спокойно лежал на сидении, выставив длинные ноги в форточку, и курил, снисходительно улыбаясь. Где же наши? — спросила Варя.

- Впереди наши! — отчаянно вращая баранку, ответил Жора.

Вот уже обогнали весело бегущего по лужам японца. Вообще-то он хорошо бежал, но мешала хозяйственная сумка, в которой он нес разобранный автомобильчик.

-- Где же наши? волновалась Варя.

Впереди наши!

По уши в грязи в кювете стоял «Форд» американца. Вытащить его оттуда мог только тягач, поэтому шустрый итальянец просил у американца напрокат запаску доехать до финиша. Американец, почуяв чистую прибыль, начал бойко торговаться, забыв про все гонки.

Где же наши? - не унималась Варя.

Вон они! Жора показал на головную группу машин.

Впереди по грязной дороге тяжело ползли четыре машины. «Запорожец» медленно доставал их и, когда поравнялся с «Магдалиной», Жора нажал на сигнал, как бы говоря «держись, ребята, свои на фланге». Умельцы-рукодельцы радостно помахали Жоре и Варе. До финиша оставалось совсем немного. Уже была видна пестрая толпа, вверх взмывали разноцветные ракеты, маня и будоража близким финишем. Оставалось взять последнюю преграду -- огромную лужу, объехать которую не было никакой возможности. Все пять машин головной группы заехали в нее почти одновременно и все сразу же застряли.

Да что же это такое-то, — в отчаянии сказала Варя, поднимая ноги, чтобы не промочить туфли — вода зашла в салон.

- Глубоко сели, — добавил Жора, -- если вода зальет выхлопную, движок заглохнет, наступит хана.

Как это хана? Никакой ханы.

С одержимой решительностью Варвара сбросила туфли, вышла из машины в лужу и крикнула Боре с Колей:

-- Держись, ребята! За мной!

Она пристроилась к «Запорожцу» сзади и принялась мощно толкать его к финишу. Подбежавший Рукосуев кричал с обочины

подбадривал и руководил. Но Варя ничего не слышала. Она, как ракета-носитель, упорно толкала вперед и технику, и мужа, выводя их на недостижимую высоту.

Если бы даже заглох двигатель или Жора нажал ради шутки на тормоз, Варя дотолкала бы механизм до финиша, она принесла бы машину на руках во что бы то ни стало.

Даже Рукосуев перестал руководить и кричать лозунги с обочины. Он наблюдал с открытым ртом и непокрытой головой, как «Запорожец» медленно ползет к финишной черте. Он наблюдал, как вслед за «Запорожцем» уверенно движется «Магдалина», а Боря, выставив локоть в окно, держит руль одной рукой и спокойно докуривает «Приму». Рукосуев уже не сомневался в том, что приз авторалли — наш. Он знал также, что все откажут от него. Чего тут делать еще целую неделю? Нужен нам такой приз? Сегодня же все начнут собираться домой.

Варя толкала машину, не оставляя никаких шансов на успех ни одной заграничной фирме.

А Рукосуев шагал к финишу и радовался, как юноша в период первой любви после первого поцелуя. Он громко твердил, ошалев от радости:

— Значит, можем мы! Можем! И сила есть — Варюха, милая, давай; и упорство — Жора, жми, дорогой; и таланты — ребятки, не отвлекайтесь на сигареты. Кто сказал, что не можем? Кто нам это вдолбил? Можем мы, можем! Люся, красавица моя, где ты? Ты посмотри, мы же можем! Люсенька, пианисточка ты моя гениальная, мы же все можем.

...Специальная группа ликования из шести джентльменов в смокингах подбрасывала высоко вверх Жору-победителя. Счастливая Варя подбежала к ним и сказала:

— Пардон, месье, не уроните мне мужика.

Она легко поймала Жору на лету, поставила его на ноги, и они пошли к своим, поджидавшим их у машин.

■ РЕКА ЖИЗНИ

Течет река жизни. Вливаются в нее речки и ручейки, и просто капли. Неровным было ее течение. И нелегким будет. Но течет река нашей жизни. Где-то бурлит, где-то замедляется, где-то ускоряется, где-то перестраивает свое

русло. И встречаются на ее пути пороги и пороки, перекааты и перегибы. Но течет река нашей жизни.

И нужна нам в ней чистая вода. Ведь все мы пьем из этой реки и дышим воздухом ее туманов.

И наша задача сделать так, чтоб из труб заводов валил не дым, а озон концентрированный. И чтоб звучала над рекой песня. И чтоб взрослые не спрашивали у детей, кто такой Владимир Высоцкий. А дети не спрашивали у взрослых, кто такой Михаил Булгаков. И чтоб демократия не эпизодически, а постоянно, вплоть до прямых выборов. И чтоб гласность, а не согласность. И чтоб вещи и мысли — отечественные. Чтоб была вещь — ее величество, а не ее количество.

И чтоб за счастливый пельмень считался один пельмень с тестом, а не один пельмень с мясом.

И чтоб к врачу мы шли не за больничным листом, а вылечиться. Бесплатно! И безблатно.

Чтоб наши ветераны были молоды, как комсомольцы. А комсомольцы уверенны, как ветераны.

Чтоб в цветочных магазинах не говорили, эти ландыши дышат на ладан. А с радостью брали свежие цветы и дарили любимым. У реки. И гуляли по берегу не в атмосфере заботы и внимания, а в обычной атмосфере.

Так вернемся к нашим истокам и первоисточникам, зачерпнем чистой воды и выпьем глоток в тишине. А последнюю каплю оставим на ладони и скажем, это моя капля. И пустим ее в реку. И пусть проплывет она от начала и до конца кристально чистой. И если рядом с ней будут такие же капли, то и вся река будет чистой.

■ СВАДЬБА С РЕЖИССЕРОМ (Рассказ невесты)

Лично я за то, чтобы у каждой женщины было много свадеб. Чем больше, тем лучше. Пусть у них будут свадьбы деревянные, оловянные, золотые. Главное, чтоб все они были железобетонные. По прочности. И особенно — самая первая.

Когда я замуж шла, об этом не думала. По любви шла за Костика. Нервов он, конечно, мне много попортил, но довела-та- ки я его до сельсовета —

расписались мы с ним.

А чем все кончилось? Прожили мы с Костиком душа в душу всего три часа. А на четвертом часу совместного проживания Костик нашу свадьбу вынужден был покинуть. Уже неделю у нас медовый месяц идет, а Костика нет. Не принимает он участия в медовом месяце.

А как начиналось все хорошо да ладно! На помолвке родители Костика предложили свадьбу безалкогольную делать. Они интеллигенты — в конторе оба сидят. А мои — наотрез, нет, говорят, свадьбу будем играть русскую. Они у меня на ферме оба. Сошлись наши родители на полубезалкогольной. Это значит, по две бутылки на человека — и ни грамма больше. Чтоб все трезвые были. Ну, папанька мой потом пару фляг браги приготовил, на всякий случай. Это — если кому не хватит двух бутылок. В общем, полубезалкогольная. Так и объявили по поселку. Тут заволновались гости приглашенные. Дед Самарин так и сказал:

— Я не знаю, что это за свадьба с таким мудреным названием — полубезалкогольная, но и подарок я буду в таком разе брать тоже... полунедорогой.

Тетка Матрена его пристыдила:

Ты старый дед, родственник как-никак, а такие речи ведешь. А вдруг тебе там и напиться и нахлебаться хватит?

Дед говорит:

— А может быть ты и права, Матрена. В таком разе надо два подарка брать — подороже и подешевле. Чтобы, значит, в случае чего, как оно там будет вытанцовываться, дак тот и дарить, который по цене соответствует. Если по новым правилам свадьба пойдет — то и шариковой ручки лишка будет. А если по старым обрядам — то постельное белье подарю.

Слухи о нашей полубезалкогольной свадьбе до города докатились. Но дошли они в усеченном виде. Приставка «полу» отсеялась и получилось, что свадьба у нас намечается вообще безалкогольная.

Расписались мы. После сельсовета шла я в столовую с Костиком, ног под собой не чуяла, только пульс в пятки стучал. Сердце мое девичье в радости купалось, как сосиска в парном молоке. Во всем теле гормоны играли, как пескари на икромете.

Но когда к столовой автобус подрулил с надписью «Телевидение», все во мне

замерло, а гормоны остановились, как вкопанные. Из автобуса толстячок в кепке выскочил, юркий, как мышь, и говорит:

— Я режиссер. Это у вас свадьба безалкогольная?

Папанька мой ему сразу объяснил:

— Если вы к нам на свадьбу, то просим гостем быть. А насчет безалкогольной — не обижайте. У нас тут не Америка какая и не Антарктида. Свадьба у нас полубезалкогольная.

Режиссер за кепку дернул и говорит:

Ага, все ясно. Значит полвечера — безалкогольная, а полвечера — обычная. Нас это устраивает. Будем снимать. Первую половину.

Пока наши гости за столом рассаживались, эти с телевидения проводами все опутали, фары в глаза всем направили, алкоголь со стола заставили в подсобку убрать, а режиссер скомандовал:

— Мотор! Пошел первый тост.

Из-за стола ихний подсадной паренек встал, я его первый раз видела, и начал:

— Я, как представитель района, могу сказать, что знаю Глашу и Константина много лет. Хорошая девушка Глаша, безотказная.

Костик на меня глаз ревнивый косить начал. Мол, откуда это он тебя знает? Да еще что безотказная. А я слова не могу вымолвить от стыда — первый раз паренька вижу. А он уже тост оглашает:

— Выпьем за молодую безалкогольную семью — светлое будущее нашего грядущего завтра и послезавтра.

Режиссер кричит:

— Крупный план лимонада! Все пьют, улыбаются, крикают от удовольствия.

После лимонада у деда Самарина крик наружу вырвался:

—Горько!

Режиссер на него ногами затопал:

— Отставить — горько. Раскричались, как на свадьбе, дубль испортили.

Все притихли, посидели в тишине минут десять. Сидят, не закусывают, с отрыжкой от лимонада борются.

Режиссер опять объявляет:

—Пошел второй тост!

Опять паренек-активист встал и уже от общества трезвости речь двинул. Гости

опять выпили лимонада. И опять посидели в тишине минут десять.

Поприслушивались, как она там, газировка, внутри играет.

Режиссер опять скомандовал:

— Дальше по сценарию — танцы под гармонь. Пошел гармонист!

Встает Тимоха, гармонист наш. Режиссер его подбадривает:

89

— Давай, давай, на стул садись, девкам подмигивай, мехи растягивай, чуб назад отбрасывай.

Тимоха оскалился на белый свет и хлесть! — по клавишам сверху вниз. А музыки-то нет! Какой-то «бзик» получился.

Тимоха встал, глаза — в пол и говорит:

— Рано мне еще играть, пальцы не идут.

Режиссер руками замахал:

-- Внимание, мотор! Пошел наш гармонист.

Из автобуса выскочил ихний подсадной гармонист, лысый, но в русском костюме и начал наяривать плясовую.

Режиссер в сценарий смотрит и командует:

— Пошла пляска! Кто у вас заводила неугомонная? Кто у вас Маруся розовощекая? Женщина лет сорока? Бесшабашная и раз битная?

Все тетку Матрену стали уговаривать, мол, иди пляши, ты у нас по всем параметрам подходишь.

Матрена вышла — вся, как кол проглотила, платочком взмахнула и пошла по кругу дроби бить. Режиссер подбадривает.

— Частушки пошли, частушки! Про новую жизнь, про отличное настроение.

Матрена начала:

— Пошла плясать, запосвистывала, че-то брюхо заболело — заподри...

Но тут Матрена поперхнулась, газировка ей в нос ударила. Да еще в проводах ногами запуталась, и током ее дернуло. Ну тут у Матрены само вырвалось:

— Да пропади оно все пропадом! Да я с газировки-то сроду плясать не приучена, меня с нее только за баньку сходить манит.

А режиссер даже глазом не моргнул, скомандовал:

— Внимание, мотор! Пошел ансамбль песни и пляски.

Из автобуса выскочило два ансамбля, один — песни, другой — пляски. Как

начали они частушки сыпать направо-налево про урожай да про план, как начали отплясывать — гости наши совсем присмирели, не знают, что и делать.

А режиссер гостям и говорит:

— Пока наши пляшут, вы подарки молодоженам дарите.

Гости уже поняли, что свадьба их мало коснется, поэтому начали подносить нам с Костиком в основном канцелярские принадлежности.

Режиссер их остановил:

— Такие подарки наш редактор на телевидении не пропустит. Внимание! Пошли наши подарки.

Грузчики из автобуса притащили ковры, хрусталь, цветной телевизор и холодильник. Мы с Костиком принимаем подарки — глазам не верим. Даже обомлели. Тут режиссер зубами — клац! — и кричит:

_ Все! Отснято! Подарки — обратно в автобус.

Мы с Костиком обомлели в другую сторону. Но режиссер нас быстро в чувство привел. Он скомандовал:

— Товарищи гости. Да, да, настоящие гости. Попрошу всех в подсобку, освободите места за столом для съемочной группы.

Гости наши очистили помещение, а оба ансамбля за столом устроились. Паренек с комсомола опять тост произнес. Все опять газировки выпили и закричали:

- Га-зы! Га-зы!

Ну, понятно, что газы в переводе по-новому означает «горько» по-старому. Только целоваться с Костиком при посторонних я не могу. И Костик не может.

Тогда режиссер скомандовал:

Пошли паши жених с невестой!

Из автобуса в столовую влетели наемные жених с невестой и горячо обнялись в дверном проеме. Сразу было видно, что долго их на роль молодоженов натаскивали. Сначала невеста жениха поцеловала. Да так самоотверженно, что у него на загравке пиджак вздыбился. А потом он продемонстрировал свой могучий поцелуй. Я покраснела даже. Да от таких поцелуев-то дети до свадьбы появиться могут. А съемочная группа открыла счет на продолжительность поцелуя: раз, два, три... На счет «пятьдесят два» из подсобки грянула песня. Это наши запели! Там в подсобке у них все под рукой. Раздольно звучала песня:

«Широкой этой свадьбе было места мало...» В подсобке, действительно, места мало. Но пели здорово.

Я сказала Костику, пошли отсюда, лишние мы здесь. И мы пошли в подсобку. Встретили нас там, как родных — хлебом-солью, усадили на ящики с луком и поздравили. А потом все «горько!» закричали. На ящике с луком мы с Костей и поцеловались. Ти-моха на фляге растянул гармонь и пошел чесать переборами. Тетка Матрена в пляс пошла на бочке с огурцами. Все заплясали и запели. Дед Самарин от радости в ларь с мукой упал — дождался-таки настоящей свадьбы.

В самый разгар веселья режиссер в подсобку заглянул и объявил:

Все, товарищи, материал отснят, можете приступать к свадьбе.

И замолчал. А сам мнетя чего-то. Тут из-за его спины паренек-активист выглянул и говорит:

Сейчас бы самое время бы, это... выпить бы. Устали мы свадьбу за вас изображать.

Пока мы все с открытыми ртами стояли, танцоры ихние несколько ящиков из подсобки в зало унесли. Как они там на ящики налетели — я такого дива сроду не видывала.

Опьянели они моментально. Через десять минут их шофер сидел на стуле с круглой шаньгой в руках и как бы рулил к городу. Режиссер бегал, хватал всех за грудки, бил себя в грудь и орал: «Я гений!» А их наемный жених начал путать свою невесту со мной.

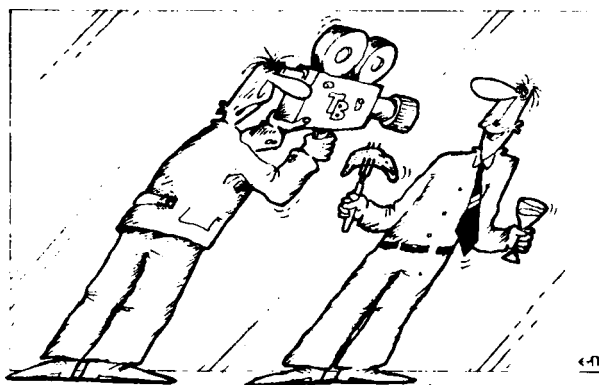
Костику это не понравилось. Он подошел к нему и сказал:

- Я не потерплю, чтобы на моей свадьбе посторонние женихи шлялись. Я не посторонний, ответил посторонний.

Вот тут Костик мой и не сдержался. Поэтому из нашего медового месяца пятнадцать медовых суток — долой.

По телевизору нашу безалкогольную свадьбу уже показывали. Письмами завалили меня телезрители. Все просят опытом поделиться.

Я делюсь. Опыт у меня накоплен богатый. А текст моих ответов паренек-активист составляет. У него работа такая пропагандировать.

В Москву! В столицу!

Тамара, царица моя, я к тебе приехал, вот он я, муж твой законный вернулся. Почему ты не рада? (И Прислушивается к шагам на кухне). Тамара, кто это чеканит шаг на кухне в моих тапочках?

Это мой муж.

Как тебе не стыдно при живом муже выходить замуж?

Какой ты мне муж, если мы с тобой развелись?

Мы же фиктивно развелись, Тамара. Чтобы я фиктивно женился и прописался у нее. Чтобы в Москве. И чтобы потом разменялся жилплощадью, развелся с пей, снова женился на тебе и прописал вас с дочерью. Чтобы в Москве, Тамара. А не в Томской области Красноярского края.

Но ты же со мной развелся?

Фиктивно — да.

И на ней женился?

Фиктивно да.

И у нее прописался в Москве?

Фиктивно да.

И сын у вас родился?

Фиктивно да. То есть нет, он просто родился. Случайно. Но это ничего не значит. Ведь я уже с ней развелся. Теперь нам надо пожениться с тобой.

А куда я дену мужа?

Какого мужа?

Который на кухне в твоих тапочках.

Разведись с ним, Тамара. Он нам не муж. Он, подлец, воспользовался

ситуацией, пока я пробивался в Москву.

А куда я дену сына?

У нас нет сына, Тамара, у нас дочь. А сын у меня в Москве. Появился.

Случайно.

- Да, у нас с тобой дочь, а у нас с ним сын.

- С кем с ним?

- Который на кухне.

И у тебя сын появился? И у меня сын. Появился. Случайно. Значит, у нас с тобой появилось по сыну. Во время фиктивного развода. Но, Тамара, объясни ты этому на кухне, что развод у нас с тобой фиктивный. Мы состоим в браке. Фактически. А ваш брак с ним недействительный. Он фиктивный. У вас не имел права появляться сын. Это противозаконно.

- Ты сам этого хотел.

Я хотел в Москву, а этого не хотел. Я жертва.

Тебе придется платить алименты на дочь. Я уже подала заявление.

— Ты — вторая, Тамара. Первой подала та, фиктивная. Значит, у меня всего будет два алимента. И еще мне негде жить.

— Но ты же хотел разменять ту квартиру.

— Та квартира тоже фиктивная, ее нельзя менять. Пропали денежки. Нас обманули, Тамара, эти жулики, проходимцы. Мы больше не москвичи, Тамара.

— Это ты не москвич, а я москвичка. Мы уезжаем завтра с мужем домой, в столицу.

— С каким? Что на кухне?

Да. У нас там квартира забронирована. Он приезжал к нам в леспромхоз героически трудиться. О нем писали газеты. Оставил столицу и приехал в глушь. Вот так. И вообще, я советую лично вам идти в общежитие леспромхоза, пока комендант еще там. До свидания, товарищ. (Уходит).

— Так вот кто, оказывается, герой. Ее муж. Уехал из Москвы в тайгу. Ловко. Там выписался, тут прописался, квартиру не забыл забронировать. В газете о нем писали. Я согласен, пусть он герой. А о нас, безымянных героях кто напишет? К тайгу-то легче попасть, чем в столицу. Сколько нас в Москву рвалось — не прорвалось. И сколько рвется — не прорвется. О нас надо писать, об истинных героях. Об отчаянных и смелых, безумных и храбрых, о тех, кто рвется в Москву.

■ НАШ ФЕДЯ

Вот уж не думала, что у меня появится соперница. Не потому, что женщин мало, а муж у меня такой. А соперница взяла и появилась. И муж у меня постепенно исчез к ней в город. А через месяц от соперницы — письмо с вопросами. Я ей — ответ с ответами. Я свое письмо дословно процитирую. Я ей пишу:

Здравствуй, милая соперница Зина. Ты верно подметила, что мой муж Федя стал твоим мужем Федей. И ты называешь его «наш Федя». И, возможно, ты права, что наш Федя — это наша забота. И, хотя, он сейчас больше твой, чем мой, я согласна, будем заботиться о нем вместе.

Ты спрашиваешь, что у нас можно купить для Феди. Отвечу: а что у вас можно купить для Феди? Ты спрашиваешь, как я вообще живу без Феди? Отвечу: а как ты вообще живешь с Федей? Ты спрашиваешь, как мое здоровье без Феди? Спасибо, сейчас лучше.

Ты спрашиваешь, можно ли водить Федю в театр. И если можно, то куда: в театр или в зоопарк. Отвечу: а в чем его водить в театр? Ведь, не ответив на этот вопрос, в театр Федю не поведешь в трико.

Конечно, в зоопарк Федю Можно водить в чем угодно. Но когда его туда водить? У кого есть Федя, у того нет времени. Ведь ты же правильно спрашиваешь, много ли было у меня забот с Федей. Напиши, много ли их у тебя? И если много, то сколько?

Ты спрашиваешь, что говорил Федя про свое образование? Он говорил, свое образование забыть не забудь.

Он свое образование не, позабыл... забыть. Ведь оно ему ни разу не понадобилось. Ты спрашиваешь, тогда зачем ему диплом? Отвечу: он ему нужен. Диплом у него хороший, новенький. Он им почти не пользовался.

Ты спрашиваешь, почему Федя так много ест. Потому что он не работает.

Ты спрашиваешь, почему он не работает. Потому что работаешь ты. Он говорит, из двух человек должен же работать хотя бы один, в конце-концов.

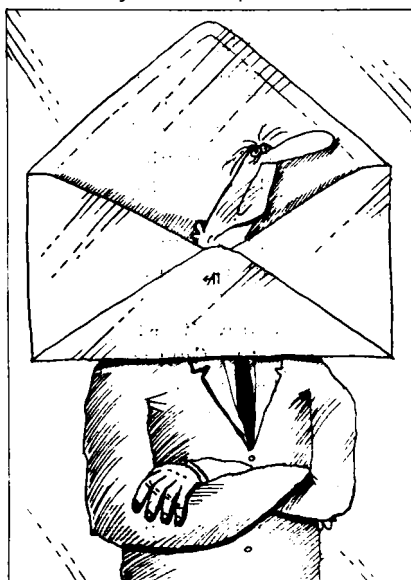
Ты спрашиваешь, почему Федя такой беспокойный. Значит, ему чего-то не хватило. Или чего-то перебрал. Или что-то беспокоит с утра. Федя вообще,

человек необыкновенный. Ведь обыкновенные — они трезвые.

Ты спрашиваешь, любит ли Федя ночевать дома. И если любит, то когда начнет. Отвечу: ночевать будет... после медового месяца.

Ты спрашиваешь, не могу ли я забрать Федю обратно. Отвечу: а не можешь ли ты оставить его у себя? Я так соскучилась, чтобы Феде не было дома.

Я рада, Зина, что тебе с Федей так необычно. Но уж если будет необычно до предела, то я согласна, вышлай Федю обратно. Лучше по почте. Авось, где-нибудь затеряется.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕДЬ ЭТО НАШИ РОДНЫЕ НЕДОСТАТКИ

Здравствуй, Свердловск!/3 Молчат и строят/4 Захват Зеленого Змия/6 Облава/9

Однофамильцы/12 Два хозяина/14 В буфете/16

Пансионат для желудочников/17 Гласность Ивановна/19 Окрошка/22

Выписка из личного дела/23

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО

Аты-баты, шли дебаты/25 Юный пенсионер/29 Так нельзя 1/31 За державу

обидно/33 Последнее слово/35 Верю!/37

Прочь сомнения/39 Очереди/41

ХЭЛЛОУ, НЮРА!

Арбузный сын/43

Хэллоу, Нюра! /45

Возвращайся/46

Сигналы точного времени/48

Ты не ласков со мной/49

Передача/52

Садик/55

Начинающий сатирик/56 Бабушка отоварилась/59 День рождения/62

ВИЗИТ В СЕЛО ОБАБКОВО

Пыхти, моя родимая/64 Визит в село Обабково/65 Ночное шоу/68 Спортсмены в законе/74 Где-то в Ницце за гранницей/76 Река жизни/86 Свадьба с режиссером/88 В Москву! В столицу/93 Наш Федя/94

Холобок Владимир Иосифович ГЛАСНОСТЬ ИВАНОВНА

Редакторы О. И. Бриль, Е. И. Гончарова Художник А. В. Пятков Технический

редактор Н. Н. Заузолкова Корректор Т. А. Мурычева ИБ № 495

Сдано в набор 12.06.89. Подписано в печать 13.06.89. НС 15152.

Формат 60x90¹/₁₆- Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печат .

офсетная. Усл. печ. л. 6 Усл кр.-отт. 6,1. Уч.-изд.л. 5,5. Тираж 100000. Заказ № 3360

Цена 1 р. 50 к.

Издательство Уральского университета, 620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 13 б.

Серовская типография г. Серов, ул. К. Маркса, 19.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

ХУДОЖНИКА

Просматривай досье Аркадия Пяткова, любой рядовой майор может убедиться, что художник закончил Свердловский архитектурный институт. Оттуда же вышли на мировой уровень рок-группа «Наутилус Помпилиус» и многие другие известные неархитекторы. Так чему же обучают в архитектурном? Тому, чему надо. Институт выпускает людей мыслящих, талантливых, веселых.

Стоило Аркадию Пяткову впервые напечататься в газете «На смену!» в 1985 году, как он тут же пошел собирать по всей стране звания и лауреатства. В конце 1985 года — один из победителей конкурса сатирического рисунка «Экономической газеты». В 1986 году — победитель конкурса карикатуристов всесоюзного журнала «Рабочая смена». В 1989 году — лауреат конкурса карикатуристов газет «Ленинская смена» (Горький), «Молодежь Алтая» и т. д.

В 1988 году был принят во Всесоюзный клуб карикатуристов при газете «Комсомольская правда». И вот в 1989 — оформление первой книги.

Я очень надеюсь, что вам понравилось и оформление, и содержание. Кому понравилось, пишите по адресу:

620086, Свердловск, ул. Московская, 68 Рекламное агентство.

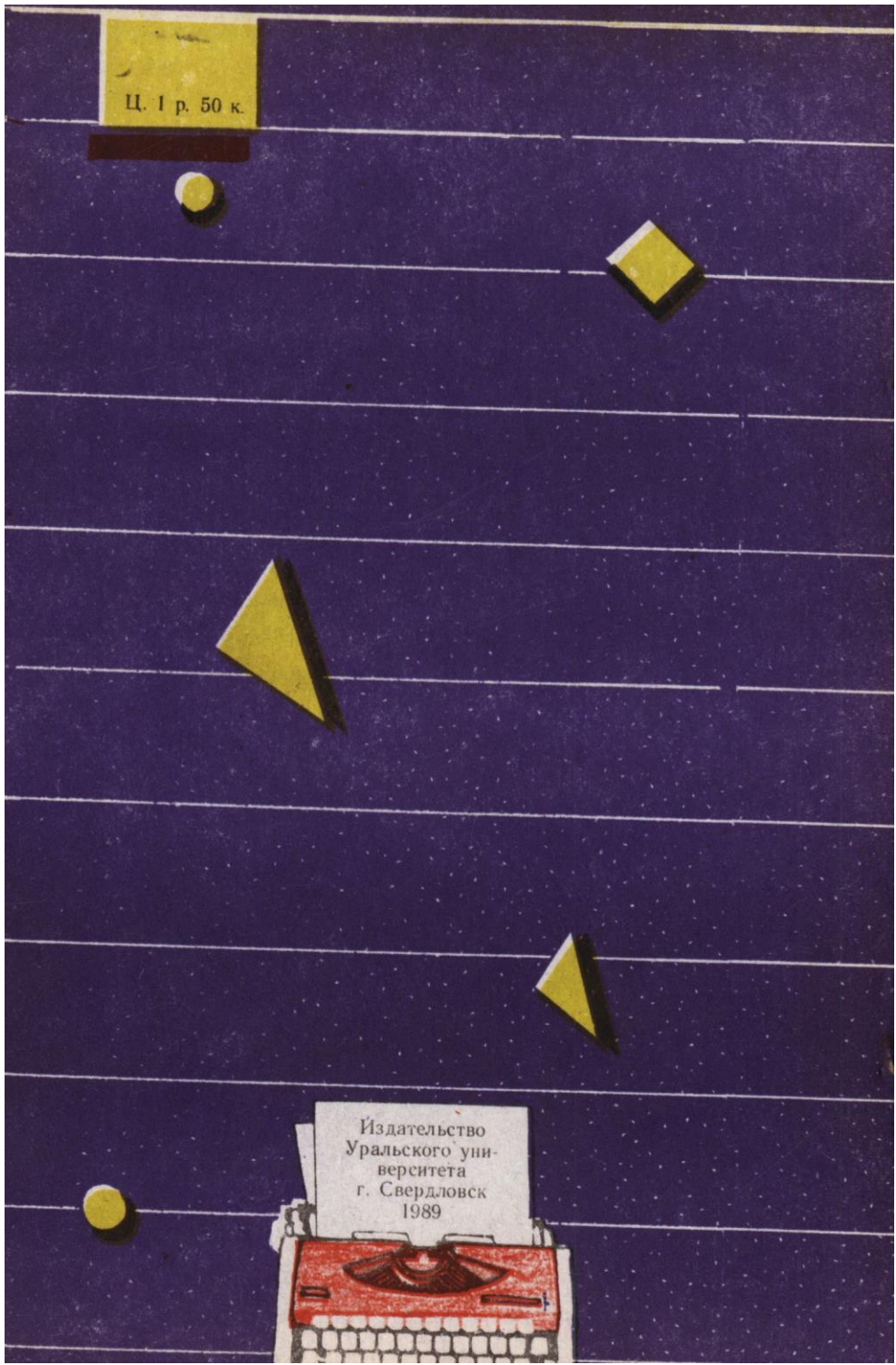
Кому не понравилось — по адресу:

Токио, аб/пщ. 2. Льву Николаевичу Толстому.

До новых встреч!

В. ХОЛОБОК.

Ц. 1 р. 50 к.

Издательство
Уральского уни-
верситета
г. Свердловск
1989